ЭРАЗМЪ ИВАНОВИЧЪ СТОГОВЪ,

его посмертныя записки,

род. 24-го февр. 1797 г., † 17-го сентября 1880 г.

Тѣ изъ читателей „Русской Старины“, которые знакомы съ этимъ изданіемъ съ первыхъ лѣтъ его выхода въ свѣтъ, конечно, помнятъ бойкіе, живые разсказы Э. И. Стогова. Питомецъ Морскаго Кадетскаго Корпуса, эпохи первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія (1807—1813 гг.), Стоговъ—въ званіи морскаго офицера, вслѣдствіе требованій службы попалъ въ Камчатку, затѣмъ былъ въ Иркутскѣ; видѣлъ въ Сибири не мало замѣчательныхъ людей и событій—и ярко очертилъ какъ ихъ, такъ и вообще нравы сибиряковъ въ своихъ разсказахъ: „Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ, 1819 г.“, „Рус. Стар.“ 1878 г., т. XXIII, стр. 499—530; „Ссыльно-каторжные въ Восточной Сибири“, 1820—1830 гг., „Рус. Стар.“ 1878 г., т. XXII, стр. 301—316, 616—632; „Бунтъ Иркутскаго архіепископа Иринея“, изд. 1878 г., т. XXIII, стр. 99—118. Въ 1834—1839 годахъ, мы видимъ Э. И. Стогова въ корпусѣ жандармовъ, штабъ-офицеромъ въ Симбирскѣ. То было время, когда въ корпусъ жандармовъ принимали весьма развитыхъ, смышленныхъ и образованныхъ офицеровъ: то было око царское за губернскою администраціею и преслѣдователи всякаго злоупотребленія, впослѣдствіи корпусъ жандармовъ получилъ нѣсколько другой характеръ. Въ разсказахъ о сибирской жизни Стоговъ ярко очертилъ тогдашнюю провинціальную жизнь, борьбу партій и вообще всю прелесть русско-дворянскаго и чиновничьяго быта вдали отъ столицъ. См. „Русск. Стар.“ изд. 1878 г., т. XXIII, стр. 631—704.

Въ 1840-хъ годахъ Стоговъ былъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора юго-западной Россіи—Д. Г. Бибикова; съ 1850-хъ годовъ Эразмъ Ивановичъ оставилъ службу и поселившись въ своей деревнѣ, въ Летичевскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, всецѣло посвятилъ себя воспитанію дѣтей и внуковъ.

Въ 1878 году Э. И. Стоговъ прислалъ намъ первую свою статью и затѣмъ сдѣлался нашимъ усерднымъ сотрудникомъ. Интересны его длинныя къ намъ

письма; и письма, и статьи—писаны карандашемъ, превосходнымъ, мелкимъ но четкимъ почеркомъ, безъ малѣйшей помарки—и это на восьмомъ десяткѣ жизни! Онъ такъ былъ еще бодръ и полонъ энергіи, что кончина его въ 1880 г. была для насъ совершенною неожиданностью.

Послѣ кончины Э. И. Стогова, одна изъ его дочерей, Ія Эразмовна Змунчилла, весьма обязательно прислала тетрадь посмертныхъ записокъ, приготовленныхъ Э. И. для „Русской Старины". Вмѣстѣ съ симъ и, по нашей же просьбѣ., І. Э. сообщила разсказъ о его кончинѣ. Этотъ разсказъ, помѣщаемый нами послѣ Записокъ Стогова, могъ бы служить прекраснымъ дополненіемъ къ сказанію одного изъ нашихъ писателей о томъ, какъ умираютъ русскіе люди.

Ред.

I.

Почтенный ред. „Русск. Старины" неоднократно изъявлялъ желаніе, чтобы я написалъ подробно о моей жизни все, что сохранила моя память; это называется, кажется, автобіографія; я долго не соглашался, мое убѣжденіе было, что жизнеописаніе принадлежитъ людямъ почему нибудь славнымъ, геніальнымъ и, по крайней мѣрѣ, возвысившимся надъ среднимъ уровнемъ народа: такія жизнеописанія служатъ поученіемъ читателямъ.

Я былъ и есть человѣкъ толпы, моя жизнь прошла по теченію, не выдѣлясь изъ 80 милліоновъ, но, конечно, долгая жизнь не могла пройти безъ борьбы съ препятствіями, безъ счастія, несчастія. Все это было, но такъ мелко, такъ незамѣтно, какъ въ любой изъ жизни 80 милліоновъ. Чтобы исполнить хотя частью желаніе ред. „Русск. Стар.", я счелъ достаточнымъ, въ моихъ простодушныхъ и искреннихъ разсказахъ, помѣстить періоды моей службы. Такъ, вспоминая о жизни Сперанскаго въ Иркутскѣ, я коснулся причинъ рѣшимости моей ѣхать въ Камчатку. Вспоминая объ Ирнеѣ, я разсказалъ о невольномъ занятіи должности начальника адмиралтейства въ Сибири. Вспоминая о службѣ моей въ Симбирскѣ, я объяснилъ причину желанія моего перейти изъ флота и удачу поступленія въ корпусъ жандармовъ. Заканчивая службу въ Симбирскѣ, я кратко упомянулъ о невольномъ поступленіи моемъ на службу въ Кіевъ, гдѣ и окончилась моя почти сорокалѣтняя служба. Мнѣ каза-

лось слишкомъ довольно для публики о такой скромной жизни...

... Но вотъ и портретъ мой предъ читателями „Русской Старины», а потому, волею-неволею, приличіе требуетъ сказать безъ утайки—кто я такой. Ужъ если вы, уважаемый Михаилъ Ивановичъ, по праву редактора и издателя журнала, заставляете меня высказываться, то я имѣю право оговориться: въ разное время я велъ записки для памяти, были и рисунки замѣчательныхъ мѣстъ; однѣ записки зачитались, другія исчезли съ многими переѣздами, рисунки украли въ Якутскѣ, слѣдовательно разсказъ мой есть воспроизведеніе памяти; что будетъ искренно и только правда, за это отвѣчаю, а что не будетъ послѣдовательности, будутъ пропуски, на томъ не взыщите, портретъ мой будетъ моимъ оправданіемъ,—въ такой старой головѣ отвердѣвшій мозгъ не легко поддается впечатлѣніямъ воспоминанія давно прошедшаго.

II.

Въ одной изъ статей, прочтенной мною въ журналѣ,—толкуется о гр. Растопчиной, разсказывается о надѣлавшемъ будто-бы шумѣ, когда была напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» баллада «Старый баронъ». Я тогда былъ въ Кіевѣ. Эта баллада была написана на насильственное завладѣніе Россіею Польши. Постоянно имѣя дѣла о продѣлкахъ поляковъ здѣсь и въ заграничной печати (Бибиковъ всѣ заграничныя газеты получалъ безъ цензуры), я, конечно, понялъ эту балладу. Въ Кіевъ очень часто пріѣзжали изъ Питера генералы, флигель-адъютанты и высшіе чины правленія, все это являлось къ Бибикову и каждый разсказывалъ

дворцовыя и другія интимныя новости. Вотъ что я припомню объ этой балладѣ.

Въ Питерѣ не поняли тайнаго смысла баллады; говорятъ, первый обратилъ вниманіе и понялъ государь Николай Павловичъ—вѣроятно кто нибудь прислужился. Тогда шефъ жандармовъ былъ добрякъ гр. А. Ѳ. Орловъ. Государь спросилъ Орлова, указывая на «Сѣверную Пчелу»:

— Читалъ ты это?

— „Когда мнѣ заниматься этими глупостями".

— Ну такъ я прочту тебѣ, слушай: „Старый баронъ — это я, невѣста—это Польша". Государь прочелъ всю балладу, смыслъ былъ ясенъ, приказалъ хорошенько проучить того, кто напечаталъ и кто сочинилъ. Баллада была безъ подписи; литературнымъ отдѣломъ „Пчелы" завѣдывалъ Булгаринъ. Разсказывали, когда Орловъ позвалъ Булгарина и указалъ ему на стихи, Булгаринъ притворился не понявшимъ (а можетъ быть, оно такъ и было), но когда Орловъ прочиталъ и разъяснилъ, Булгаринъ, какъ полякъ—страшно струсилъ, въ оправданіе приносилъ срочную газетную работу, и нѣсколько разъ плачевнымъ голосомъ повторилъ: „мы школьники"!

Добрякъ Орловъ притворился гнѣвнымъ: „такъ ты школьникъ?" — хватилъ его за ухо и поставилъ у печки на колѣни, самъ сѣлъ писать и продержалъ Булгарина на колѣняхъ болѣе часа, но, простивъ, сказалъ: „помни, школьникамъ бываетъ и другаго рода наказаніе".

Когда государь спросилъ Орлова и тотъ разсказалъ подробно сцену съ Булгаринымъ, государь много смѣялся и сказалъ Орлову: „ты (чудакъ) не старѣешься".

Эта исторія сдѣлалась извѣстна, тогда всѣ искали № „Пчелы", всѣ списывали и баллада пошла по рукамъ, какъ запрещенный плодъ. Гр. Растопчиной дано было внушеніе.

Въ Кіевѣ я многое зналъ, чего не могъ бы знать въ Питерѣ. Слова высшихъ лицъ памятны мнѣ.

Клейнмихель ѣхалъ въ Питеръ, а государь въ Варшаву; прощаясь, государь при мнѣ сказалъ Клейнмихелю: „кланяйся нашимъ, увидѣвши своихъ“. Ну, однако, извините, разболтался—дѣло стариковское, говорить не съ кѣмъ, кругомъ поляки [1]); многое забывается и забылось,—отвелъ душу.

III.

Біографы, автобіографы начинаютъ свой разсказъ о происхожденіи своихъ фамилій, своихъ предковъ, роются въ исторіи; мнѣ, къ счастію, не придется трудиться въ этой безплодной работѣ, мнѣ не пришлось и пожить на своей родинѣ. Все, что я знаю, мнѣ извѣстно изъ разсказовъ отца моего. Документовъ фамильныхъ я не видалъ, да едва-ли они и сохранились,—бѣднымъ людямъ не до исторіи. Отецъ мой слышалъ отъ своего отца, тотъ отъ своего и такъ далѣе.

Отецъ мой передавалъ мнѣ, что, по преданію, наши предки выселены изъ Новгорода Іоанномъ Грознымъ; это основательно подтвердилъ мнѣ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, служившій городничимъ въ 1830-хъ годахъ въ Иркутскѣ; онъ говорилъ мнѣ, что онъ самъ читалъ въ своихъ фамильныхъ запискахъ, между многими фамиліями, подвергнувшимися остракизму изъ Новгорода, вмѣстѣ съ Муравьевыми, упоминаются и Стоговы; Муравьевы близко насъ живутъ. Въ тогдашнихъ московскихъ пустошахъ дана намъ мѣстность Золотилово, гдѣ и до сихъ поръ родятся Стоговы; Золотилово, Московской губерніи, Можайскаго уѣзда, отъ Можайска 25 верстъ, по Смоленской дорогѣ.

Преданіе говоритъ, что Стоговы въ Новгородѣ были богаты, дѣдъ мой, Дмитрій Дементьевичъ, владѣлъ селеніемъ на Бѣлозерѣ, вмѣсто оброка ежегодно получалъ рыбу, что помнитъ хорошо мой отецъ, но въ одинъ годъ рыбы не привезли, а пріѣхалъ староста и доложилъ, что пріѣхалъ другой помѣщикъ и потребовалъ оброкъ; дѣдушка махнулъ рукой, тѣмъ дѣло и кончилось.

---

[1]) Писано въ Летичевскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи въ 1880 г. Ред.

Дѣдушка служилъ; знаю, что былъ военный; изъ всей службы его мнѣ извѣстно, что онъ препровождалъ въ Охотскъ какого-то важнаго преступника и что онъ ѣздилъ на лосяхъ, вѣроятно на оленяхъ. Я дѣда не помню, но весь околодокъ зналъ, что онъ былъ колдунъ.

Отецъ разсказалъ мнѣ два случая: черезъ Золотилово идетъ дорога на Ельну, куда и мы прихожане. Ѣхала дворянская свадьба; дѣдушку забыли позвать; подъѣхала свадьба съ поѣзжаными къ околицѣ, лошади на дыбы и не пошли—худая примѣта; другія, третьи сани, лошади нейдутъ въ ворота околицы, тогда вспомнили о своей ошибкѣ, что не пригласили Дмитрія Дементьевича, къ нему—дѣдушка спитъ; просили, кланялись въ ноги, но извѣстно—колдуны скоро не прощали. Наконецъ, дѣдушка простилъ, взялъ лопату и метлу, да неизбѣжный ковшикъ воды съ углемъ, легъ въ воротахъ, заставилъ всѣхъ читать молитву, а самъ сталъ сражаться съ нечистымъ; разгребъ снѣгъ, размелъ метлой, обошелъ поѣздъ по солнцу, опрыскалъ водою и провелъ первыя сани—поѣздъ проѣхалъ. Какъ ни звали дѣда на свадьбу—не поѣхалъ.

„Какъ-же, батюшка, наколдовалъ дѣдушка?“

— Если, братецъ ты мой, пересыпать дорогу порошкомъ толченой печени медвѣдя, то лошадь черезъ дорогу не пойдетъ.

Другъ дѣда пріѣхалъ изъ Вятки, гостилъ двѣ недѣли; тогда всякій помѣщикъ гналъ свою водку, была не купленная. Дѣдъ упрашивалъ погостить еще два дня, другъ не соглашался; отворяютъ конюшню, чтобы запрягать лошадей, коренная лежитъ безъ движенія. Другъ догадался, что это штука дѣда, согласился гостить два дня. Дѣдъ заперся въ конюшнѣ, всѣ слышали, какъ онъ съ кѣмъ-то бранился и слышали стукъ, борьбу. Дѣдъ отворилъ конюшню и коренной конь здоровъ и веселъ.

„Какъ же это, батюшка?“

— А если, братецъ ты мой, сдѣлаешь изъ воска шарикъ съ орѣхъ, да въ средину закатать языкъ змѣи и положить шарикъ въ ухо лошади, то она упадетъ и скорѣе умретъ, чѣмъ сдѣлаетъ движеніе; вынуть изъ уха шарикъ—лошадь веселѣе прежняго.

Разъ отецъ съ моимъ дѣдомъ шли по слободѣ Колоцкаго монастыря (версты двѣ отъ Золотилова); въ одномъ домѣ была

крестьянская свадьба, дѣдъ съ отцомъ присѣли на заваленкѣ, дѣдъ сказалъ: „надобно, чтобы они подрались“, и дѣйствительно, послѣ ссоры и ругани, мужики вышли изъ избы и на улицѣ пошли на кулаки.

„Какъ же это, батюшка?“

— Этого, братецъ ты мой, я не долженъ объяснять тебѣ.

„Почему же, батюшка?“

— Грѣхъ дѣлать зло людямъ.

Я дѣда не помню, но отецъ разсказывалъ, какой молодецъ былъ мой дѣдъ.

Разъ привели цыгане дикую лошадь, никто и подойти не могъ; дѣдъ при гостяхъ подошелъ, быстро прыгнулъ, лошадь била и унесла; черезъ два часа дѣдъ пріѣхалъ на лошади шагомъ, а ему было подъ 70 лѣтъ, при этомъ дѣдушка съ укоризною сказалъ бабушкѣ: „ни одного въ меня не кинули“. Тогда это была острота; отецъ говорилъ, что гости много хохотали.

Отецъ показывалъ мнѣ мѣсто съ краю Москвы, гдѣ дѣдъ пускалъ свою лошадь на траву; онъ часто ѣздилъ въ Москву верхомъ (120 верстъ).

„Лошадь не украли?“

— Тогда, братецъ, не воровали лошадей.

Сохранилась расходная записка о поѣздкѣ въ Москву съ бабушкою за годовымъ запасомъ; платили дорогою на постояломъ: за ночлегъ полушку, за ужинъ себѣ—деньгу, за людей деньгу, запаса въ Москвѣ на десять рублей.

IV.

У дѣдушки было три сына: Михаилъ, Иванъ и Федоръ; были ли дочери — не знаю. Сыновья служили въ арміи; мой отецъ, Иванъ, былъ безсмѣннымъ ординарцемъ Суворова, который за молодость звалъ его—Мильга; у Потемкина былъ при его кончинѣ. Прослуживъ 18 лѣтъ, вышелъ въ отставку подпоручикомъ; медалей у него было много: и осьмиугольныя, и круглыя, и элипсомъ. Разсказывалъ отецъ много. Дисциплина тогда была строгая; ѣздивши съ Потемкинымъ въ каретѣ, долженъ былъ стоять

на вытяжку во весь путь. Отецъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что къ нему не приставала чума, а поэтому онъ часто былъ начальникомъ чумныхъ лазаретовъ.

— Я, братецъ мой, ѣлъ съ ними, спалъ на ихъ кроватяхъ.

— „Какъ же вы, батюшка, не боялись?“

— А молитва, братецъ, отъ всего сохранитъ, бывало всѣ въ дегтю, а я не пачкался.

— „Батюшка, при васъ брали Одессъ?“

— Эхъ, братецъ, какой Одессъ, мы брали Хаджи-бей. Мы съ Дерибасомъ тихо подошли передъ зарей, такъ тихо, что колесы у пушекъ были обмотаны соломой, тесаки обмотаны паклей. Пришли и стоимъ, никто и шепотомъ не говорилъ. Только стало всходить солнце, смотримъ крѣпость тихо поднялась на воздухъ, покачалась, покачалась, да и развалилась на двое. Послѣ мы и строили Одессъ.

Мой отецъ очень любилъ разсказывать о старинѣ. Пѣвалъ онъ принятые тогда въ арміи припѣвы, напримѣръ: большой припѣвъ при огражденіи лагеря рогатками, расходись спать по палаткамъ и много припѣвовъ. Зачѣмъ я не записалъ?—Не думалъ, что „Русская Старина“ потребуетъ моихъ воспоминаній. Помнилъ отецъ мой весь артикулъ того времени. Разъ, развеселившись, отецъ захотѣлъ показать мнѣ кой-что изъ артикула. Я скомандовалъ налѣво кругомъ.

— „Не такъ, братецъ, направо кругомъ, — ружье къ ногѣ, ружье передъ себя, перемѣни руки, правую ногу впередъ, ногу на мѣсто, лѣвую ногу впередъ“—всякое движеніе съ приговоромъ.

Чтобы сдѣлать направо кругомъ—я насчиталъ до 18-ти темповъ, настоящій танецъ; вмѣсто маршъ, командовалось ступай. Что за удивительный народъ былъ тогда! Отецъ разсказывалъ, что они съ Суворовымъ зимою формировались въ Полтавѣ, имъ много привели рекрутъ, отецъ имѣлъ капральство. Былъ отданъ приказъ—девятерыхъ забей, а десятаго выучи.

— „Ко мнѣ въ капральство попали два изъ духовнаго званія; здоровяки, молодые, они всегда держали нагнувши голову такъ, что бородою касались груди; что я ни дѣлалъ и какъ ни наказывалъ — не помогало. Я сдѣлалъ завостренныя лучинки, и каждому по двѣ лучинки однимъ концомъ уперъ въ грудь, а острыми концами подставилъ по сторонамъ бороды. Что же ты думаешь, лучинки накололи тѣло, а бороды уперлись въ грудь“!

— Батюшка, вы видѣли какъ кончался Потемкинъ?

— „Я, братецъ, стоялъ въ ногахъ".

— Не помните-ли, что онъ говорилъ?

— „Онъ сказалъ: докторъ, спаси меня, я полцарства дамъ тебѣ! (что это — пародія Шекспира?), докторъ поднесъ ему образъ и сказалъ: „вотъ твое спасеніе". Потемкинъ крѣпко прижалъ образъ и скончался".

Четыре раза гостивши у меня въ Кіевѣ, много разсказывалъ отецъ; разсказы весьма любопытные для современниковъ, но не записалъ,—жалѣю.

Старшій братъ отца, Михаилъ, былъ капитаномъ, отецъ называлъ его мудрымъ, онъ управлялъ всѣмъ полкомъ. Полкъ стоялъ въ Варшавѣ; Михаилъ влюбился въ польку, женился, черезъ недѣлю жена ушла; Михаилъ нашелъ ее въ публичномъ домѣ, сошелъ съума, и въ тихомъ, молчаливомъ сумашествіи долго жилъ у моего отца.

Меньшій, Федоръ, вышелъ тоже подпоручикомъ въ отставку; холостой, захотѣлъ отдѣлиться, а такъ какъ Золотилово состояло изъ 30 душъ, то въ уваженіе того, что Михаилъ жилъ у отца, Федоръ взялъ 10 душъ и пустышь Соловьево.

Михаила я хорошо помню; онъ былъ выше моего отца, говорятъ, небывновенно силенъ, всегда молчалъ, любилъ очень мою мать; бывало вспыльчивый мой отецъ расшумится, Михаилъ, молча, одной рукой вытолкнетъ отца за дверь и дверь на крючекъ—все молча. Я не видалъ его улыбки. Отецъ уважалъ его какъ старшаго брата. Отецъ разсказывалъ мнѣ, когда я родился, Михаилъ цѣлые часы носилъ меня и гладилъ. Разъ въ сумерки топились печи въ Золотиловѣ, дядя Михаилъ носилъ меня по залѣ, въ комнатѣ никого не было, случайно входитъ Никита и видитъ—Михаилъ поднесъ меня къ печки, полной жару, гладитъ меня, называетъ зайнька и хотѣлъ изжарить. Никита бросился, схватилъ меня и сказалъ:

— „Михаилъ Дмитріевичъ, что вы, сударь, опомнитесь!"

Дядя отдалъ меня, взялся за голову и началъ молча ходить, что онъ дѣлалъ постоянно. Въ Можайскъ его не брали.

„Батюшка, какъ вы познакомились съ моею матушкою?"

— „Зачѣмъ, братецъ, знакомиться: покойный батюшка приказалъ: Иванъ, поѣзжай въ Рузу къ Максиму Кузьмичу Ломову,

у него одна дочь, Прасковья, ты на ней женись, я уже все сладилъ и пріѣзжай съ женой. Очень не хотѣлось мнѣ жениться. Я дорогой нарочно не мылся, выпачкался, нарочно разорвалъ брюки на колѣнахъ, разорвалъ локти сюртука — думалъ откажутъ, ничто не помогло, сыграли свадьбу и я вернулся съ женою".

„Почему же вы не сказали своему отцу, что вы не желаете жениться?"

— „Какъ можно, братецъ, сказать отцу? Божія заповѣдь — чти отца твоего—тогда всѣ жили по заповѣдямъ, скажи-ка я— угодилъ бы на конюшню!"

V.

Я родился въ 1797 году, февраля 24 дня, въ Золотиловѣ; я первый сынъ. У отца моего былъ слуга Никита, онъ былъ неразлученъ съ отцомъ всю его службу; это былъ преданный, честный и трезвый человѣкъ; въ одинъ часъ со мною, у Никиты родился сынъ Иванъ и былъ назначенъ мнѣ въ слуги.

Я себя помню необыкновенно рано, хорошо помню старую мою няню, а болѣе еще помню затянутый за поясъ сарафана крашенинный синій съ бѣлыми точками платокъ; когда няня брала платокъ, то я уползалъ подъ софу, подъ столъ, такъ боялся я этого платка, и не мудрено—бывало няня утретъ мнѣ носъ жесткимъ платкомъ, то мало, что выступаютъ слезы изъ глазъ, но долго летаютъ искры кругомъ.

Мать разсказывала мнѣ, что я родился въ голодный годъ, жить было очень трудно, у ней не было молока, но она была рукодѣльница, дѣлала изъ разноцвѣтной бумаги, сплетая въ узелки, корзинки, коробочки, посылала продавать и покупала для меня молоко.

Мать моя, Прасковья Максимовна, считалась первой красавицей по уѣзду; помню ея живой румянецъ, прелестную улыбку, русые длинные волосы, всегда улыбающіеся темно-сѣрые глаза, тихій, пріятный голосъ; она считалась неподражаемой хозяйкой, была цивилизованной между подругами сосѣдками, потому что умѣла писать. Обѣ бабушки мои были не грамотны; на во-

просъ мой отцу: какъ же это дворяне, помѣщицы, а не знали грамотѣ?

— „А на что, братецъ, женщинѣ грамота, ея дѣло угождать мужу, родить, кормить и няньчить дѣтей, да смотрѣть въ домѣ за порядкомъ и хозяйствомъ, для этого грамота не нужна! Женщинѣ нужна грамота, чтобы писать любовныя письма! Прежде дѣвушка грамотница не нашла бы себѣ жениха, всѣ обѣгали бы ее, и ни я, ни отецъ мой не знали, что твоя мать грамотница, а то не быть бы ей моею женою".

Мать моя, секретно отъ всѣхъ домашнихъ, пряталась на чердакъ и копировала съ печатныхъ страницъ, что и можно видѣть изъ сохранившагося у меня единственнаго письма ея ко мнѣ 1820 г., послалъ бы въ редакцію „Русской Старины",—да жаль разстаться, только одно и сохранилось у меня письмо моей матери, писанное ко мнѣ въ Охотскъ. Мать моя какъ говорила, такъ и писала, она не могла различить *б* отъ *п*, *г* отъ *к*, *ж* отъ *ш*. Мать моя была—сама доброта, скромная, тихая, любима всѣми; я только и помню однѣ ея ласки, любилъ я ее до обоготворенія и молюсь за упокой ея души. Отецъ мой былъ другаго характера, онъ былъ до конца жизни суворовскій сослуживецъ, ростомъ 2 аршина 7 вершковъ, сложенія сухощаваго, мускулистый и замѣчательно силенъ и необыкновенно переносливъ въ физическихъ трудахъ; до конца жизни держался прямо; вспыльчивъ, въ домѣ и даже между близкими родными — властитель; мнѣ говорили, что онъ никогда не сказалъ лжи. Старшимъ по службѣ, богатымъ по состоянію не только не кланялся, унижаясь, но былъ крайне подозрителенъ, какъ говорится— былъ щекотливъ, малѣйшее чванство осаживалъ, не смотря на лицо. Я много слышалъ о прямотѣ и гордости отца; чтобы не забыть, разскажу характерный случай, который и подтвердилъ мнѣ отецъ.

Въ Можайскѣ отецъ мой служилъ судьею по выборамъ. Вздумалъ объѣхать Московскую губернію главнокомандующій Москвы князь Голицынъ, извѣстный баричъ, пропитанный парижскимъ воспитаніемъ; посѣтилъ со свитою можайскій уѣздный судъ; конечно, онъ не ревизовалъ дѣлъ; обратясь къ моему отцу, спросилъ: „отчего видитъ мало служащихъ", отецъ отвѣчалъ, что канцелярскіе приходятъ на службу по очереди;

„для чего такъ?“ Для того, что у двоихъ одни сапоги, да и у многихъ одинъ сюртукъ на двухъ.

„Какая же тому причина?“

„Жалованья три рубля въ мѣсяцъ, трудно одѣваться“. Отцу показалось, что князь внимательно смотритъ на судейское просиженное кресло, которое, вѣроятно, стоитъ тутъ съ учрежденія суда; гордому отцу подумалось, не подозрѣваетъ ли князь въ обычныхъ взяткахъ судью, отецъ не выдержалъ:

— „Вы, князь, внимательно смотрите на мое кресло, я приглашаю васъ сѣсть и увѣряю не замараетесь, князь: на этомъ креслѣ я сижу!

Князь, конечно, былъ удивленъ, слыша непривычный для него языкъ.

— „Для чего вы мнѣ это говорите?“

— А для того, чтобы сказать, что есть честные люди и на креслѣ судьи! Еще прошу, можете сѣсть и не замараетесь.

Князь скоро ушелъ, думая, что отецъ мой сумасшедшій, но послѣ узналъ, что съ нимъ говорилъ честнѣйшій, хотя и бѣдный человѣкъ. Послѣ князь судьѣ и канцеляріи прислалъ денежное награжденіе.

Отецъ мой не очень любилъ читать гражданскую печать, но зато въ церковныхъ книгахъ былъ великій знатокъ. Онъ писалъ *Інператоръ*, *Іванъ*, *пісмо*, *пісалъ*, *чісло* и проч.; своей орѳографіи былъ постоянно вѣренъ, былъ очень богомоленъ и строго соблюдалъ посты. Хорошо помню, какъ пріѣзжалъ къ намъ игуменъ Колоцкаго монастыря упрашивать отца, помочь отправить всенощную по уставу Ѳеодору Тиррону,—кажется, бываетъ постомъ. Помню, какъ отецъ съ книгою переходилъ съ клироса на клиросъ и звонкимъ тенoромъ что то читалъ и клиросы подхватывали; отецъ во всю службу командовалъ въ церкви и его слушались.

VI.

Меня тянетъ къ воспоминаніямъ моего младенчества, которое не интересно, какъ и вся моя жизнь, но для меня младенчество имѣетъ такой же интересъ, какъ и вся моя жизнь.

Верстахъ въ пяти отъ Золотилова есть село Праслово, тамъ жилъ богатый помѣщикъ Борисъ Карловичъ Бланкъ, отецъ извѣстнаго писателя экономиста Петра Бланка. Отецъ мой былъ коротко знакомъ. Въ лѣтній день отецъ съ матерью собрались сходить пѣшкомъ въ Праслово. Отецъ пошелъ впередъ, мать не могла, видно, разстаться съ первенцомъ, взяла меня съ собою; когда догнали отца, онъ сердился на мать, зачѣмъ взяла меня, что я устану, а онъ не понесетъ. Прошли съ версту, я сѣлъ и говорю: усталъ; кажется, мать была беременна, отцу жаль было мою мать; какъ теперь гляжу на орѣховые кусты, между которыми шла тропинка; отецъ вырѣзалъ орѣшину, очистилъ головку и говоритъ:

— „Эразмъ, какого я дамъ тебѣ коня, только смотри, чтобы онъ не сшибъ тебя, ты крѣпко его держи, ну-ка садись верхомъ, я посмотрю, умѣешь-ли ты ѣздить“, и далъ мнѣ прутикъ погонять. Я только сѣлъ верхомъ, какъ лошадь понесла меня, отецъ какъ ни кричалъ: держи, держи! я не могъ удержать и добѣжалъ до Праслова гораздо прежде родителей.

Въ 1833 г. разсказывалъ я отцу этотъ случай; отецъ удивился, какъ я могу помнить, и, вспоминая подробности, усердно смѣялся. Еще воспоминаніе изумило отца:

Мы жили въ Можайскѣ, я разсказалъ отцу, какъ умерла няня и какъ ее соборовали. Отецъ сказалъ:

— „Ты, братецъ, помнить этого не можешь“, но когда я разсказалъ отцу подробно расположеніе нашей квартиры и того амбара, гдѣ соборовали, и какъ дьяконъ гадалъ по евангелію будетъ ли жива, а на вопросъ протопопа тихо отвѣчалъ—нѣтъ, разсказалъ всѣ подробности церемоніи, хотя и до сего времени не случалось видѣть соборованія, отецъ изумлялся, слушая меня; уже кончалась служба, приходитъ горничная Анюта и говоритъ: „няня уже умерла, я видѣла, что душенька ея пролѣзла по углу черной кошкой“, няня дѣйствительно тихо скончалась, но на

меня такъ подѣйствовала увѣренность, что душа должна отдѣлиться въ какомъ нибудь видимомъ образѣ, что я только въ гардемаринахъ освободился отъ этой увѣренности,—такъ впечатлительно младенчество.

Вѣроятно, я былъ шалунъ; отецъ, кажется, съ трехъ лѣтъ наказывалъ меня розгами и не скажу чтобы рѣдко; я ужасно боялся отца, только ласка матери уменьшала мое горе.

Когда мнѣ было года четыре, дѣдушка Максимъ Кузьмичъ Ломовъ приказалъ прислать меня къ нему въ Рузу; я былъ единственный внукъ; дѣдушка былъ небогатый помѣщикъ Рузскаго уѣзда; говорили, что уже полстолѣтія былъ казначеемъ въ Рузѣ. Дѣдушка былъ огромнаго роста, брюнетъ съ черными густыми волнистыми волосами; говорили ему было около 80 лѣтъ, былъ прямой, весьма здоровый, безъ очковъ. Бабушка Настасья Ивановна была средняго женскаго роста, толстая, но подвижная и крѣпкая старушка. У нихъ былъ сынъ Таврила и моя мать. У дѣдушки было два дома на соборной площади, оба дома стояли глаголемъ, въ одномъ жили дѣдушка съ бабушкой, а въ другомъ помѣщались присутственныя мѣста Рузы; былъ еще флигелекъ въ переулкѣ, тамъ жилъ какой-то чиновникъ, женатый на дальней родственницѣ дѣдушки. Такого счастливаго житья, какъ мое у дѣдушки, и вообразить нельзя. Бабушка покупала росписные муравленные кувшинчики и бывало насыплетъ далеко неполный кувшинчикъ сухаго гороха, нальетъ воды и съ вечера поставитъ въ печурку, а по утру оказывается горохъ выше кувшинчика; я приходилъ въ изумленіе и съ восторгомъ ѣлъ горохъ; послѣ обѣда пряничные коньки, пѣтушки и человѣчки, да все съ золотомъ; любилъ я полузамерзшее молоко — все мнѣ давала горячая любовь бабушки. Изъ большой прихожей, отгороженная перегородкой комната была моей спальней, бабушка сама меня укладывала спать, читаетъ молитвы и цѣлуетъ и оближетъ мнѣ глаза; придетъ дѣдушка, сядетъ на кровать и не уйдетъ, пока не усну. Помню, спрашиваю дѣдушку, какъ онъ знаетъ, когда я усну, онъ отвѣчалъ—„знаю“, когда я спросилъ: „дѣдушка, сплю я или нѣтъ“, дѣдушка отвѣчалъ: „не спишь“,—должно быть я невеликъ былъ.

По утру приходитъ родственница изъ флигелька, падаетъ въ ноги дѣдушкѣ и проситъ заступиться, что она несчастлива;

на вопросъ дѣдушки, какое несчастье, она, заливаясь слезами, говоритъ, что вотъ уже нѣсколько дней дѣлаетъ все на зло мужу, бранила его, а онъ и пальцемъ ее не тронулъ, точно она ему чужая,—какая же это любовь! Долго высказывала свое горе; дѣдушка нашелъ поступки мужа дурными и бабушка подтвердила, какая же это любовь, что мужъ и не поучитъ свою жену. Отпустилъ дѣдушка просительницу съ утѣшеніемъ, что онъ поправитъ это дѣло; послѣ обѣда, по призыву, явился виновный мужъ; это былъ мужчина лѣтъ 30-ти, прилично одѣтый, высокій, стройный. Не помню всего, что говорилъ дѣдушка, сначала тихо, потомъ гнѣвался, виновный просилъ прощенія и болѣе молчалъ, дѣдушка, закончивъ, сказалъ: „чтобы я болѣе о такихъ безобразіяхъ не слыхалъ, не то смотри у меня, ты знаешь какъ я учу!“

Дѣло было къ вечеру, уже зажигали огни, мы съ Иваномъ (я забылъ сказать, что и ровесникъ мой, лакей, былъ со мною), побѣжали черезъ садъ, одно окно флигеля выходило въ садъ; мы на заваленку, отдули замерзшее стекло, и видѣли и даже слышали, какъ жена грубила и бранила мужа; онъ взялъ со стѣны полотенце, свилъ жгутъ такъ крѣпко, что онъ стоялъ въ рукѣ, схватилъ жену за косу, бросилъ на полъ и преусердно билъ жгутомъ; она извивалась подъ ударами жгута и все продолжала бранить; онъ билъ ее долго, она затихала, просила прощенія, подползла, цѣловала ноги, руки, онъ еще прикрикнулъ и погрозилъ жгутомъ, она стояла покорно и безмолвно; кончилось тѣмъ, что онъ обнялъ и поцѣловались; разговора мы не слыхали. На другой день утромъ явилась битая, такая веселая, кланялась въ ноги дѣдушкѣ и бабушкѣ, цѣловала руки и благодарила.

Припомнивая этотъ случай отцу въ Кіевѣ, я спросилъ его, неужели супружеская любовь прежде выражалась побоями?

— „А какъ же иначе! Подумай, отъ кого тебѣ тяжелѣе непріятность, отъ человѣка тебѣ близкаго или отъ посторонняго?“

— Конечно отъ близкаго.

— „На непріятность отъ посторонняго я и вниманія не обращу, а огорченіе отъ близкаго хватаетъ за сердце; а кто же можетъ быть ближе жены? Если я не обращаю вниманія на ослушаніе или грубыя слова жены, значитъ меня не трогаютъ ея неприличные поступки, значитъ я имѣю къ ней чувства какъ къ чу-

жому человѣку. Мы жили по писанію: Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ. Жена повинуется своему мужу, а мужъ да любитъ свою жену. Есть русская пословица—люби жену какъ душу, а бей ее—какъ шубу. Мужъ голова въ домѣ, ему повинуются всѣ, тогда только и порядокъ. Такъ, братецъ, жили наши дѣды, такъ жили и мы, и были счастливы".

Не помню, долго ли я жилъ у дѣдушки съ бабушкой, думаю болѣе года, счастливые не считаютъ время. Дѣдушка былъ постоянно серьезенъ, бабушка ласкова, привѣтлива ко всѣмъ. У дѣдушки не было часовъ, онъ считалъ грѣхомъ имѣть часы, говорилъ: что же я буду повѣрять Бога, что-ли? Но за то хорошо помню особенную способность дѣдушки: во всякое время дня и ночи онъ вѣрно говорилъ который часъ, это и мой отецъ подтвердилъ; разбудить дѣдушку ночью и на вопросъ—онъ отвѣчаетъ безъ ошибки который часъ.

Зимой сказали, что пріѣхалъ мой отецъ; я страшно испугался, увѣренъ былъ, что отецъ пріѣхалъ высѣчь меня. Во время общей суматохи, я забрался въ кухню и спрятался подъ печку, нашелъ тамъ коробъ и заставилъ себя. Схватились меня, кличутъ, я слышу, а слезы такъ и льются; сбились всѣ съ ногъ, искали долго, во всемъ домѣ тревога, не помню кто и какъ нашелъ меня подъ печкой, обрадовались, дѣдушка съ бабушкой ласкаютъ меня, а я горько плачу, на вопросъ о чемъ, я признался, что отецъ будетъ меня сѣчь. Тутъ только объяснилось, что отецъ часто меня сѣкъ. Дѣдушка строго спросилъ отца:

„Иванъ, правду говоритъ Эразмъ?"

Отецъ отвѣчалъ: правда,—шалунъ, неслухъ, не покорить теперь, что изъ него будетъ!

У дѣдушки отъ зала была отгорожена узенькая его спальня; дѣдушка гнѣвно сказалъ: Иванъ, поди-ка сюда, двери на крючекъ; я съ бабушкой былъ въ залѣ и слышалъ, какъ дѣдушка сердито говорилъ: „да ты съума сошелъ! ты дуракъ"; что еще было не помню; потомъ ясно были слышны удары; я видалъ эту плеть изъ толстаго ремня, сколько ударовъ получилъ отецъ я не знаю, но слышалъ, какъ онъ просилъ прощенія. Далеки эти времена отъ насъ! Не правда-ли—какъ это странно и даже невѣроятно теперь?! Но я разскажу, можетъ быть, еще страннѣе и невѣроятнѣе о своемъ дѣйствіи въ 1833 г.

Отецъ гостилъ дня три или четыре, съ нимъ были ласковы и отецъ былъ какъ дома. Любовь дѣдушки ко мнѣ простиралась до того, что онъ поручилъ мнѣ продавать гербовую бумагу, которая хранилась подъ кроватью дѣдушки; купившій мужикъ давалъ мнѣ грошикъ, который я и отдавалъ прятать бабушкѣ; какъ видите, я признаюсь, что бралъ взятки, но примите и другое мое искреннее и честное признаніе, что кромѣ этого, можетъ быть безсознательнаго, взяточничества, я до сей минуты взятокъ не бралъ. Помню разъ, когда приходили человѣкъ 20 за бумагой и дѣдушка узналъ, то сказалъ, „надобно бы, чтобы они поправили плетень около бани".

Я говорилъ, что у дѣдушки былъ сынъ, Гаврило Максимовичъ; онъ служилъ въ уѣздномъ судѣ, ему было лѣтъ 20, ростомъ съ дѣдушку, прездоровенный, но голосъ былъ тонкій. Заговорили о свадьбѣ моего дяди, онъ ѣздилъ въ Москву за покупками, о которыхъ я ничего не знаю, но знаю, что онъ привезъ новость для всей Рузы—это невиданные тогда смазные сапоги, о нихъ говорили очень много, а мнѣ памятны вотъ почему. Я былъ назначенъ шаферомъ. Вечеромъ было человѣка четыре гостей, вѣроятно сослуживцевъ дяди; сидѣли около небольшаго стола, я залѣзъ подъ столъ и, вѣроятно, лизнулъ глянецъ на сапогахъ, которые были до колѣнъ, и, находя сладкимъ, вѣрно преусердно лизалъ, а когда шаферъ вылѣзъ изъ-подъ стола, то я оказался негромъ. Бабушка сначала испугалась, а, узнавъ, увела меня умывать. Этотъ случай много доставилъ смѣха; при этомъ дядя разсказалъ, какъ сапожникъ научилъ его дѣлать ваксу, надобно варить воскъ, сахаръ и сажу (какъ это помнится).

Привезли невѣсту; какъ я хорошо ее помню—высокая, стройная, круглолицая, съ живымъ румянцемъ, крошечку ряба, голосъ мягкій, какъ будто сиповатый, но пріятный, глаза сѣро-голубые, волосы русые, была очень нарядна, убрана разноцвѣтными лентами, походка степенная, важная, смѣялась очень охотно; Олена Яковлевна, фамиліи не знаю, помѣщица Можайскаго уѣзда, у ней было 6 душъ. Видалъ ли ее прежде дядя — не знаю, думаю—нѣтъ. Еще за недѣлю, какъ только рѣшили быть свадьбѣ, меня перевели въ спальню бабушки, а мою комнату приготовляли для молодыхъ; сколько я помню, заботились, чтобы не под-

шутилъ кто нибудь и не наколдовалъ бы въ комнатѣ: извѣстно, что рѣдкая свадьба проходила безъ колдовства, безъ порчи. Послѣ меня спала въ моей комнатѣ няня Гаврилы Максимовича; днемъ комната постоянно была заперта на замокъ; кромѣ няни входила утромъ и вечеромъ бабушка, крестила на всѣ стороны и шептала, вообще очень оберегали комнату.

Была зима, въ сумеркахъ долго благословляли, все съ земными поклонами. Соборъ былъ противъ дома, но всѣ поѣхали въ саняхъ, я впереди съ образомъ; церковь была полнешенька. Вѣнчаніе было по чину, я замѣтилъ и разсказалъ бабушкѣ, что дядя цѣловалъ Олёну въ церкви, а дома не цѣловалъ. Домой я опять впереди съ образомъ, опять земные поклоны, съ хлѣбомъ солью, съ образами. Гостей было немного, только семейные родственники; рано поужинали. Говорили, чтобы молодые ужинали въ вѣнцахъ, но дѣдушка не позволилъ; гости проводили молодыхъ до дверей комнаты, а въ комнату за молодыми вошли только дѣдушка съ бабушкой и я, вѣроятно по праву шафера; я внесъ все тотъ же образъ; дѣдушка сидѣлъ молча и весьма серьезно смотрѣлъ за порядкомъ, бабушка шептала молитвы. Когда надобно было дядѣ снимать сапоги, дѣдушка сказалъ: „сядь на кровать“, молодая стала на колѣни, сняла у мужа сапоги и чулки; дѣдушка сказалъ мнѣ: „подай“, я подалъ молодой плетку, но уже цивилизація проникла и въ Рузу: плетка была сплетена изъ красныхъ и бѣлыхъ ленточекъ, да и ручка была обшита шелковой матеріей. Молодая серьезно приняла плетку и покорно подала мужу, тотъ взялъ какъ должное и плетку положилъ подъ подушку; дѣдушка благословилъ, далъ поцѣловать руку и ушелъ; бабушка дождалась какъ легла молодая, крестила ихъ и комнату, благословила, дала поцѣловать руку и увела меня; бабушка заперла дверь на замокъ и крѣпко наказывала нянѣ спать снаружи поперегъ дверей, а что услышитъ—читать: „да воскреснетъ Богъ“.

По утру поднимали молодыхъ бабушка съ родственницами, меня тутъ не было. Вышли молодые распренаряженные, особенно тетка, и въ шелку, и въ лентахъ; произвели молодые поклоненіе и получили отъ всѣхъ цѣлованіе. Въ прихожей собрались сѣнныя дѣвушки. Дѣдушкѣ подали стаканъ водки, онъ поцѣловалъ молодую и весело выпилъ до капли, дѣвушки запѣли

плясовую; дѣдушка взялъ бабушку за руку и начали плясать русскую, дѣдушка бойко притопывалъ и ходилъ молодцомъ, бабушка плыла лебедью, дѣдушка подлеталъ, бабушка отмахивалась, у бабушки былъ платокъ въ рукахъ,—какъ красиво она имъ помахивала, и то призывала, то отгоняла дѣдушку; долго продолжалась пляска, наконецъ, дѣдушка пошелъ въ присядку какъ юноша, побѣдилъ бабушку и горячо старики поцѣловались; я слышалъ, какъ родственницы говорили, что теперь и молодые не пройдутъ такъ, какъ Настасья Ивановна прошла правымъ бокомъ; вспоминая бойкость дѣдушки, сознаюсь, я не могъ бы совершить такого подвига. Утренніе танцы тѣмъ и кончились. Гости приходили и пріѣзжали, столъ накрытъ былъ во всю залу. Тогда обѣдали рано. Молодые сидѣли въ головѣ стола, я даже помню кушанья: студень, заливная рыба, поросенокъ подъ хрѣномъ и сметаной, разварная рыба, ветчина съ кореньями, щи, къ нимъ пирогъ съ кашей, кашица, пирогъ съ курицею, лапша, пирожки съ говядиной, уха, пирогъ съ морковью, три или четыре каши, языки, мозги съ телячьими ножками и головкою, жаркія: гуси, телятина, баранина, утки и жареная рыба, къ жаркому соленые огурцы, разные кисели, сладкіе пироги, пирожки, оладьи съ медомъ, изъ сладкаго тѣста какія-то ленты, розаны, можетъ быть и еще что было. Послѣ каждаго кушанья мужчины пили по стаканчику водки, было и вино въ бутылкахъ, но его никто не пилъ; дамы пили медъ. То и дѣло заставляли молодыхъ цѣловаться. Припоминая, изумляюсь тогдашнему гомерическому апетиту: сидѣли за столомъ, думаю, часа 3 или 4, и все-то ѣли и все-то пили. Я и теперь много ѣмъ, даже на удивленіе моей дочки, но я чувствую и сознаю себя младенцемъ передъ героями на свадебномъ обѣдѣ; едва довѣряю своей памяти, припоминая, сколько каждый выпилъ водки, но все было чинно, не шумно, прилично; помню, къ концу обѣда сосѣди между собою много цѣловались; встали изъза стола всѣ тверды на ногахъ, пьяныхъ не было. Молодая во весь обѣдъ краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, а дядя глядѣлъ побѣдителемъ; барыни и отъ меда заруменились и повеселѣли. Тогда чаю и кофе не пили.

Послѣ обѣда запряженныя сани стояли у крыльца; молодые сѣли въ рогожный закрытый возокъ, какъ въ карету, съ ними

старшая тетка; меня бабушка украсила, на шапку повязала красную длинную ленту и на лѣвый рукавъ выше локтя красный бантъ; меня посадили на козлы, по лѣвую сторону меня стоялъ порядочный мѣшокъ съ мелкими серебряными деньгами, думаю это были копѣечки и пятачки, по правую—двѣ стопы маленькихъ клѣтчатыхъ сложенныхъ вчетверо платковъ. Мы ѣхали на тройкѣ, лошади тоже были украшены, помню золотую красивую дугу, дѣдушка одинъ въ пошевняхъ сзади. Всѣ гости размѣстились по санямъ.

Помню, былъ ясный, тихій и не холодный день; поѣхали шагомъ; народу, мнѣ казалось, несчетная тьма, должно быть вся Руза стояла по обѣ стороны дороги; моя обязанность была бросать въ народъ серебряныя деньги и платки такимъ порядкомъ: горстку денегъ направо, то платокъ налѣво, другой разъ, куда бросилъ деньги, туда платокъ. Народъ ликовалъ, кланялся, снимая шапки. Временемъ останавливались, тогда всѣ: купцы, чиновники, мѣщане подходили къ дѣдушкѣ, поздравляли и цѣловали у него руку. Такъ мы проѣхали по всѣмъ улицамъ Рузы и уже въ сумерки возвратились домой. Платки я всѣ разбросалъ, а денегъ осталось немного въ мѣшкѣ. Кромѣ гостей обѣдающихъ, пришли еще гости, вѣроятно дѣдушка приглашалъ дорогою. Разумѣется, бабушка цѣловала меня и называла умникомъ, дала мнѣ полныя руки сладкаго со стола, накрытаго въ углу залы,—чего-чего тутъ не было: разное варенье, пряники, орѣхи, миндаль, рожки, изюмъ, леденцы—это привезъ дядя изъ Москвы, моченые яблоки, брусника, большой столъ весь былъ уставленъ; на столѣ горѣли восковыя свѣчи, а на подоконникахъ много горѣло сальныхъ свѣчъ. Прихожая была полна прислугою, дѣвушекъ было болѣе, чѣмъ утромъ. Сначала пропѣли поздравительную пѣсню, поминали имена дяди и тетки; потомъ плясовую; дѣдушка съ бабушкой не танцовали, а пошли парами молодые русскую; дядя отлично танцовалъ, всѣ хвалили, тетка, разодѣтая, стройная, съ веселыми глазами, тоже удостоилась общей похвалы; дядя танцовалъ и трепака, и казака, а какъ пошелъ въ присядку, только мелькалъ, нѣкоторые изъ гостей даже вскрикивали отъ восторга; молодые открыли балъ, помню всѣ танцы кончались поцѣлуями. Долго смѣнялись пары, кажется всѣ переплясали, потомъ составили кругъ, помнится, всѣ гости;

взявшись за руки, ходили кругомъ, потомъ парами вертѣлись; этотъ танецъ и другіе не подлежатъ описанію, потому что они были выше моего понятія; до полночи я, сидя, уснулъ, бабушка унесла меня къ себѣ на кровать; говорили, что балъ продолжался далеко за полночь, кончился ужинъ на разсвѣтѣ. Я поздно проснулся и удивлялся, что весь домъ спалъ. Вотъ первая свадьба, видѣнная мною въ жизни.

Какъ я ни былъ малъ, но Рузу хорошо помню, могъ бы указать и теперь гдѣ стояли дома дѣдушки; лѣтомъ съ Иваномъ мы переходили какой-то ручеекъ, на косогорѣ росли рѣдкія березы, подъ березами норы; говорятъ, въ эти норы жители прятали свое имущество отъ набѣговъ Литвы; я нашелъ тамъ двѣ серебряныя копѣечки съ дырочками, которыя сохранились у меня и до сего часа. Вотъ только и памяти о Рузѣ, да глубокое и горячее чувство воспоминанія о нѣжныхъ ласкахъ дѣдушки и бабушки.

Не хочу скрыть—когда я писалъ эти строки, такъ живо припомнилась мнѣ незабвенная любовь этихъ отживающихъ стариковъ, что у меня не одинъ десятокъ капнулъ слезъ, но такихъ сладкихъ слезъ, какихъ бы я желалъ и вамъ, читатель!

Еще помню, мнѣ очень нравился запахъ божьяго дерева, растущаго по оградѣ собора; я нюхалъ часто, но не сорвалъ листочка—это грѣхъ, потому что церковное.

Мать моя соскучилась обо мнѣ, писала и просила прислать меня; горько я плакалъ, прощаясь съ дѣдушкой и бабушкой, плакали и старики. Напутственный молебенъ, благословеній, поцѣлуевъ—безъ счета; бабушка рыдала и говорила, что болѣе не увидитъ меня; мучительны были для меня эти минуты, я плакалъ неутѣшно; надавали мнѣ подарковъ, благословили образами, на дорогу бабушка дала полный мѣшокъ сладкаго, о печеномъ и жареномъ я не говорю—много. Кучеръ и лакей получили много приказаній; уже я сидѣлъ въ телѣгѣ, отъѣхали, бабушка выбѣжала, остановила, еще плакала, крестила и цѣловала.

Судьба не привела мнѣ увидѣть дѣдушку, бабушку, дядю; изъ всѣхъ рузскихъ родныхъ я видѣлъ тетку Олену Яковлевну; въ 1847 году она пріѣзжала въ Кіевъ на богомолье; старуха весьма бодрая, даже не перемѣнилась, годы наложили свою печать, но такъ немного, что я безъ труда видѣлъ въ ней мо-

лодую, разувающую мужа и подающую ему плетку въ знакъ покорности и послушанія. Много мы вспоминали старины; когда я напомнилъ ей о разуваньи мужа и о плеткѣ, старуха покраснѣла, поцѣловала меня, а у самой слезы на глазахъ; очень удивлялась, какъ я могу такъ ясно помнить подробности, что я тогда былъ малолѣтка; старуха не могла наговориться о томъ счастливомъ времени, — „теперь все не то, нѣтъ тѣхъ чувствъ родства, нѣтъ той беззавѣтной дружбы, нѣтъ и веселья прежняго".

Я соглашался съ теткой и увѣрялъ, что съ бо́льшею нашею старостію еще будетъ хуже, скучнѣе.

Дѣдъ мой умеръ съ горя, когда узналъ, что Наполеонъ взялъ Москву; бабушка и мѣсяца не прожила послѣ дѣда. У тетки съ дядей были сынъ и дочь, были еще дѣти, да умерли; жили они согласно, въ довольствѣ; дядя простудился, заболѣлъ горячкою и умеръ, „а какой былъ здоровякъ!" Тетка утерла слезы, мы не наговорились о старинѣ, а тетка всякій разъ выпивала чашекъ 20 чаю въ прикуску и увѣряла, что такого чая нельзя купить и въ Москвѣ.

VII.

Изъ Рузы насъ съ Иваномъ перевезли въ Можайскъ; мой отецъ былъ тогда солянымъ приставомъ. О нѣжныхъ ласкахъ матери я не говорю; я пріѣхалъ отъ ея родителей, она хотѣла все знать, но я едва-ли могъ удовлетворить ея любопытству; отецъ далъ мнѣ поцѣловать руку.

Казенный магазинъ для продажи соли былъ каменный, у самаго шлагбаума на Московской заставѣ; часто я бѣгалъ къ отцу, онъ давалъ мнѣ мѣшечекъ съ солью фунта въ два, вѣроятно это образцы, по которымъ принималась соль; мѣшечки я относилъ къ матери. За заставой, по лѣвую сторону почтовой дороги, было кладбище съ длинными шестами и ихъ было много; тутъ хоронились колдуны и эти колья забивались колдунамъ въ спину, чтобы не вставали; это кладбище считалось страшнымъ по ночамъ, разсказовъ о немъ ходило много.

Разъ вечеромъ у насъ были гости, заговорили о страшныхъ случаяхъ на кладбищѣ колдуновъ; о женщинахъ говорить нечего, но даже мужчины находили страшнымъ сходить на это кладбище; одинъ отецъ мой находилъ, что съ молитвою ничего нѣтъ опаснаго; отца подзадорили и суворовскій сослуживецъ взялъ шапку и палку—и пошелъ; мать моя очень плакала, плакали и дамы; возвратился отецъ и принесъ срѣзанную щепку отъ шеста; отецъ гордо смотрѣлъ побѣдителемъ, и всѣ удивлялись его смѣлости.

Въ Можайскѣ былъ тогда городничимъ Василій Ивановичъ панъ Поняровскій, совершенный брюнетъ, первый щеголь, первый острякъ, кудрявые черные свои волосы постоянно зачесывалъ рукою съ затылка; онъ одинъ ходилъ въ круглой шляпѣ. Мать моя любила играть въ бостонъ, конечно, безъ денегъ; около ея тетрадка съ разсчетомъ платежа за игру; постоянный партнеръ былъ панъ Поняровскій; онъ всегда острилъ, помню его одну остроту: „ралъ-ралъ-ралъ храбрый я капралъ, ралъ-ралъ-ралъ чортъ бы меня взялъ“. Всѣ смѣются.

Исправникъ Дмитрій Петровичъ Кобылинъ, большой охотникъ съ собаками, давалъ мнѣ заячьи лапки, а красавица его жена Пелагея Ивановна давала мнѣ много пряниковъ и леденцовъ; у нихъ не было дѣтей; меня очень ласкали; Кобылины были богаты и это были аристократы Можайска.

Близко Можайска есть монастырь, называется Лужецкій; говорили, что въ этомъ монастырѣ іеромонахъ Константинъ—изъ полковниковъ, человѣкъ весьма ученый, хорошо знаетъ французскій языкъ; не знаю какъ устроилъ отецъ, но помѣстилъ меня съ Иваномъ въ монастырь; намъ отвели келью во второмъ этажѣ; никто о насъ не заботился, никто не училъ; обѣдали мы въ трапезѣ съ монахами; послѣ обѣда монахи собирались въ такъ называемую бесѣдную, комната съ нарами; къ намъ въ келью входили не иначе, когда мы отвѣтимъ аминь. Лѣтомъ мы бѣгали по садамъ монастырскимъ, а зимой свели дружбу съ мальчишками въ слободѣ; тутъ мы поучались, смотря съ заваленокъ на оргіи монаховъ у вдовъ солдатокъ, видѣли, кромѣ разврата, много кощунства. Не буду описывать ни оргій, ни кощунства—непріятно вспоминать. Въ бесѣдной только я и слышалъ укоризны, интриги противъ казначея, пересуды объ

игуменѣ, зависть и злоба были господствующіе разговоры. Болѣе года я жилъ въ монастырѣ и вынесъ познанія: la fourchette et le couteau. Не знаю, зналъ ли болѣе отецъ Константинъ. Если-бъ зналъ мой отецъ какое вредное вліяніе сдѣлалъ онъ на впечатлительный отъ природы мой характеръ, то, конечно, не помѣщалъ бы въ монастырь,—дурное впечатлѣніе осталось на всю жизнь къ монашеской жизни.

VIII.

Переѣхали мы въ Золотилово. Въ одну изъ побывокъ въ Прасловѣ туда пріѣхалъ изъ Петербурга лейтенантъ Иванъ Петровичъ Бунинъ.

Борисъ Карлычъ Бланкъ былъ женатъ на Аннѣ Григорьевнѣ; мать ея Варвара Петровна была рожденная Бунина и старшая родная сестра Ивана Петровича; она жила постоянно при дочери. Бунинъ былъ извѣстенъ во всемъ Петербургѣ, какъ весельчакъ, балагуръ, музыкантъ, танцоръ, острякъ; о немъ будетъ рѣчь послѣ; онъ былъ адъютантомъ извѣстнаго адмирала Ханыкова. Пріѣздъ его въ Праслово — была эпоха. Большаго роста, статный мужчина, мундиръ съ золотомъ, короткія бѣлыя штаны, шелковые чулки, башмаки съ золотыми пряжками, шпага съ блестящимъ темлякомъ — я глаза проглядѣлъ; когда отецъ подвелъ къ нему, онъ спросилъ, куда думаютъ отдать меня?

Отецъ скромно отвѣчалъ, что онъ не богатъ, не знаетъ что̀ и дѣлать со мною.

Бунинъ взялъ меня за ухо, посмотрѣлъ на руку и сказалъ: „отдайте въ морской корпусъ, тѣмъ болѣе, что его и укачивать не будетъ, а объ опредѣленіи я устрою“.

Не знаю примѣтъ, но Бунинъ отгадалъ: меня ни одного раза не укачало въ морѣ.

Съ этой минуты было рѣшено, что я буду морякомъ.

У Бланка не было дѣтей; Анна Григорьевна и Варвара Петровна пожелали, чтобы я пожилъ у нихъ; отецъ и мать съ благодарностію согласились; я, конечно, былъ радъ, потому что избавлялся отъ домашнихъ розогъ.

Меня помѣстили на антресоляхъ, тамъ было двѣ комнаты, въ одной жилъ я, а въ другой — князь Петръ Ивановичъ (кажется такъ) Шаликовъ. Это былъ молодой человѣкъ, сухой сложеніемъ, темный брюнетъ, съ большимъ носомъ (теперь назвалъ бы его—некрасивый армянинъ); должно быть онъ былъ кончившій студентъ; чѣмъ занимался Шаликовъ и занимался ли—я никогда не видалъ, кажется, онъ только гулялъ.

Борисъ Карловичъ Бланкъ, говорили, былъ архитекторъ, другіе говорили—сынъ архитектора; онъ былъ очень богатъ (говоря сравнительно съ моею роднею); кромѣ Праслова, у него были имѣнія въ Смоленской и Тамбовской губерніяхъ — болѣе не помню. Бланкъ былъ лѣтъ за 40, довольно полный; супруга его, Анна Григорьевна, молодая дама очень нѣжнаго сложенія и хорошенькая; мать ея, Варвара Петровна, еще не старая старушка, маленькаго роста, мнѣ казалось, любила наряжаться; я износилъ нѣсколько шелковыхъ чулокъ ея; помню ея туфельки безъ задниковъ съ каблучками: при всякомъ движеніи ноги ея, каблучки хлопали, отдѣляясь отъ ноги. Въ домѣ былъ отличный порядокъ, чистота мною невиданная, всегда тихо, никто не приказывалъ, а все дѣлалось. Все семейство говорило по французски, также говорилъ и Шаликовъ.

Болѣе всего памятенъ мнѣ большой садъ, разбитъ геометрически вѣрно дорожками, обсаженными березками, стриженными какъ одна; дорожки тверды, должно быть шоссированы и всегда чисты, садъ заглядѣнье! Помню, много мы собирали грибовъ въ саду. Въ честь Ивана Петровича Бунина была иллюминація; послѣ этихъ иллюминацій я очень много видѣлъ, это была главная и любимая забава Бланка. Иллюминаціи были всегда разнообразны. Сколько могу теперь сообразить, устраивались абрисы храмовъ, тріумфальныя ворота, абрисы разныхъ зданій, всѣ зданія освѣщались шкаликами и плошками,—я бы назвалъ теперь архитектурными чертежами. Къ каждой иллюминаціи, къ каждому зданію, памятнику, кн. Шаликовъ обязанъ былъ писать стихи. Живя въ этомъ превосходномъ семействѣ, я видѣлъ только ласку и милую доброту.

Не умѣю объяснить себѣ какъ случилось, что я заговорилъ по французски, хотя меня никто и ничему не училъ. Болѣе всѣхъ обращала на меня вниманія Варвара Петровна, она тре-

бовала отъ меня опрятности. Бланкъ много проводилъ времени въ библіотекѣ; заходя туда, я видалъ его—то за книгой, то за чертежами; онъ такъ былъ добръ, что ни разу не выгналъ меня. Разъ, помню, я засталъ въ библіотекѣ сына священника, кончившаго ученіе; Бланкъ экзаменовалъ его и при мнѣ спросилъ: „тупой уголъ, острый уголъ?“ (самому удивительно, какъ могла сохранить память непонятныя слова). Семинаристъ не умѣлъ отвѣчать, Бланкъ съ неудовольствіемъ сказалъ: „не знаю чему васъ учатъ!“

Въ Прасково гости пріѣзжали не часто, но люди богатые и почему нибудь значительные болѣе занимались разговорами, что, конечно, было не по моей части, хотя я постоянно присутствовалъ въ гостиной. Одинъ разъ пріѣхалъ графъ Мусинъ-Пушкинъ съ дочерью, дѣвицею лѣтъ 16-ти, она воспиталась или жила въ Петербургѣ; было и еще нѣсколько семействъ гостей, былъ и мой отецъ одинъ. Бланкъ съ графомъ и другими мужчинами были въ другой комнатѣ; отецъ сидѣлъ въ гостиной близь стола; шалуньи научили графиню тронуть пальцемъ въ средину спины отца. Молоденькая шалунья только тронула, какъ отецъ вскрикнетъ нечеловѣческимъ голосомъ, вскочилъ и, опамятовавшись, серьезно, не торопясь, взялъ графиню за ухо и хорошо выдралъ съ приговоромъ: „молода, сударыня, видно не учили тебя уважать старшихъ!“

Страшный крикъ отца, крикъ и плачъ графини вызвали всѣхъ мужчинъ изъ другой комнаты, и какова же картина: графъ Мусинъ-Пушкинъ видитъ, что незнакомый мужчина только что отодралъ за ухо его сіятельную дочь.

Графъ, видно, вполнѣ былъ свѣтскій, можетъ быть, человѣкъ придворный; узнавъ въ чемъ дѣло, ни слова не сказалъ отцу и кончилъ ласковымъ замѣчаніемъ дочери.

Дѣло въ томъ, что отецъ мой, будучи совершенно здоровымъ, не могъ переносить прикосновенія къ кости спиннаго хребта, такъ было до конца жизни. Если во время сна онъ самъ какъ нибудь нечаянно дотронется чѣмъ нибудь твердымъ или жесткимъ до спиннаго хребта, закричитъ на весь домъ и вскочитъ съ кровати. Я спрашивалъ отца, что онъ чувствуетъ, когда дотронутся до спинной кости, онъ отвѣчалъ: „не знаю, братецъ, я теряю память“.

— Что же вамъ больно или щекотно?

— „Не знаю, черезъ минуту я ничего не чувствую".

— Батюшка, я помню какъ вы выдрали графиню за ухо, вѣдь это неприлично.

— „А по вашему прилично, что дѣвчонка, у которой и молоко на губахъ не обсохло, дурачится и не уважаетъ старшихъ? а что она дочь графа—эка невидаль, графъ такой же дворянинъ!"

Одинъ разъ я бѣгалъ въ саду и, добѣжавъ до пруда, съ ужасомъ увидѣлъ, что князь душитъ прехорошенькую горничную Машу; я началъ кричать во весь голосъ, князь вскочилъ и толкнулъ меня въ прудъ; не знаю, глубокъ ли былъ прудъ, прибѣжалъ близко бывшій лакей, вытащилъ меня. Объ этомъ происшествіи не было говорено ни слова, но Маши я въ домѣ не видалъ; говорили, что она въ скотной избѣ. Шаликовъ и прежде не говорилъ со мною, а послѣ этого и подавно. Какъ я ни былъ малъ, но понималъ, что на князѣ платье было очень старо и изношено. Разъ я слышалъ, какъ лакеи говорили между себою: „хорошъ князь, у него и куста нѣтъ своего". Конечно, у меня составилось мнѣніе, что каждый князь долженъ имѣть свои кусты.

Не знаю точно, но думаю, что у Бланка я жилъ года три, мнѣ было хорошо, но у дѣдушки было лучше, что-то недоставало, должно быть незамѣнимой беззавѣтной любви! Видно и у дѣтей есть это инстинктивное чувство.

IX.

Отецъ въ Можайскѣ назначеемъ; меня взяли въ Можайскъ и посылали въ народную школу; ходили мы въ школу вмѣстѣ съ Иваномъ; школа была тамъ, гдѣ соборъ—на горѣ.

На этой горѣ есть озеро, о которомъ много ходитъ разсказовъ въ народѣ; говорятъ, нѣтъ на срединѣ дна и называютъ окномъ; будто не прибываетъ и не убываетъ вода; говорятъ, давно выплыла смоленая доска и проч. Въ соборѣ есть чудотворная каменная статуя Николая чудотворца, въ большой ростъ человѣка; она сдѣлана гладко, я бы теперь сказалъ изъ мелко-

зернистаго плотнаго талька; взглядъ весьма суровъ и окладъ лица не русскій, не славянскій, въ лѣвой рукѣ держитъ серебряную церковь, а въ правой, кажется, мечъ. Народъ чрезвычайно уважаетъ эту святыню; статуя стоитъ близъ южныхъ дверей. Говорятъ, Петръ Великій опредѣлилъ сумму на неугасимую лампаду.

Весьма довольно досталось мнѣ розогъ за эту школу; какъ усердно сѣкъ меня отецъ—я хотя одинъ случай разскажу.

Были мы съ отцомъ въ соборѣ и оба пріобщались; при выходѣ съ выносомъ чаши должно сдѣлать земной поклонъ, мальчишка зазѣвался, отецъ въ экстазѣ такъ бросилъ меня на полъ, что у меня хорошая была шишка отъ чугуннаго пола. Пришли домой; отецъ былъ въ синемъ фракѣ съ гладкими золотыми пуговицами; платокъ такъ крѣпко повязывалъ на шею узломъ назадъ, что былъ красенъ. Помню, такой довольный послѣ причастія, сѣлъ на софу, кожанная подушка софы была набита пухомъ, такъ что сѣсть на одномъ концѣ софы—другой конецъ поднимается горой; отецъ подозвалъ меня и ласково спросилъ:

— „Эразмъ, а какое читали Евангеліе?“

Я былъ мальчикъ наметанный, бойко отвѣчалъ: „Рѣче Господь къ своимъ ученикамъ....“

— „Что же далѣе?“

Я не зналъ, отецъ вспылилъ, взялъ меня за грудь куртки, поднялъ и сказалъ: „если-бъ я зналъ, что ты родился такимъ дуракомъ, я бы въ колыбели задушилъ тебя — розогъ!“ Василиса со слезами брала меня за рученки къ себѣ на плечи и отецъ своими руками сѣкъ длинной розгой, кряхтя при всякомъ ударѣ, и хорошо высѣкъ.

Хорошо, что отецъ не спросилъ меня (когда я служилъ штабъ-офицеромъ) въ Кіевѣ какое читали Евангеліе,—быть бы мнѣ сѣченнымъ.

Въ школѣ ничему не учили; учитель часто приходилъ къ концу класса и нѣкоторымъ давалъ отмѣтки на азбукахъ, отмѣтка: посредственно—розги. Въ школѣ шумъ, гамъ, драка; учила меня болѣе мать и я выучился читать; писалъ, кажется, всѣ буквы. Бѣгали мы въ школу съ Иваномъ. Памятно мнѣ одно обстоятельство.

Панъ Поняровскій вздумалъ ровнять главную улицу Можайска; улица вся была вскопана; бѣгая и шаля, я разбилъ одинъ комъ земли и нашелъ серебряную копѣечку; мы съ Иваномъ, разбивая комья, нашли пять копѣекъ и всѣ съ дырочками. Послѣ старые люди по преданію говорили, что до нашествія Литвы на этомъ мѣстѣ былъ гостинный дворъ, который сожгли.

Когда мы съ матерью живали въ деревнѣ, меня то и дѣло родные брали къ себѣ гостить; сколько я помню, всѣ женщины были мнѣ тетки, а ихъ было много, но всѣ были бѣдныя помѣщицы; это я теперь знаю, а тогда я видѣлъ только ласки и родную любовь. Подолѣе я гостилъ у Василія Васильевича Лопухина; онъ былъ крестнымъ моимъ отцомъ, считался не изъ бѣдныхъ, у него было душъ 40; старикъ съ утра до вечера разбиралъ и собиралъ серебряные часы, болѣе ничего не дѣлалъ. Старикъ любилъ выпить, вечеркомъ подошьетъ, ложится на кровать и тоненькимъ голоскомъ, звонкимъ и высокимъ альтомъ поетъ: „во саду ли во садочкѣ хорошо пташки пѣли, хорошо воспѣвали“ и проч., тогда въ домѣ всѣ знали, что это значитъ; старика не безпокоили и онъ никого не безпокоилъ, пѣлъ всегда одну и ту-же пѣсню и съ пѣсней засыпалъ.

У него была одна только дочь Авдотья Васильевна, дѣвица лѣтъ за 20, красивая, румяная, кровь съ молокомъ; она была завѣтнымъ другомъ моей матери. Эта тетка имѣла особенность: у ней ежедневно шла кровь изъ носа; если ей подать небольшую посуду для крови, то у ней идетъ кровь часы, а если большой тазъ, то кончалось нѣсколькими каплями. Она спала въ большой комнатѣ съ дверью на балконъ и въ садъ, тетка устроила мою кровать въ своей комнатѣ. Случалось мнѣ не одинъ разъ видѣть ночью, какъ тетка тихо выходила въ садъ, дверей не затворяла и я слышалъ, съ кѣмъ то она шепталась. Въ этой деревнѣ я видѣлъ, когда посылали дѣвокъ рвать крыжовникъ, то тетка наблюдала, чтобы всѣ, не переставая, пѣли пѣсни. Кажется, мать объясняла мнѣ, что это для того, чтобы дѣвки не ѣли ягодъ.

Въ 1833 г. тетка Авдотья Васильевна, вдова, старуха веселая,—я болѣе всѣхъ тетокъ любилъ ее, какъ друга матери моей,—я самымъ невиннымъ образомъ разсказалъ, какъ по ночамъ тетка вставала и шепталась въ саду. Старая тетка покраснѣла,

зажимала мнѣ ротъ, повторяя: „врешь, врешь, экіе скверные эти мальчишки, гдѣ и не ждешь, тамъ они и подсмотрятъ".

Живя въ Золотиловѣ, я съ отцомъ часто бывалъ въ Федоровскомъ, не помню сколько верстъ, но помню за р. Калочей; тамъ жилъ помѣщикъ Гаврило Осиповичъ Бѣлаго, онъ былъ двоюродный братъ отцу; Бѣлаго былъ изъ богатыхъ (по нашему); мать Бѣлаго, Татьяна Семеновна, была крестной моей матерью; Бѣлаго былъ женатъ на Озеровой, ее называли весьма ученой; говорятъ, она знала еврейскій языкъ, но была препротивная, смуглая, длинная, худая, съ большимъ носомъ; всѣ не любили ее, да и она была горда, не улыбалась, со всѣми холодна, молчалива, болѣе сидѣла въ своей комнатѣ. Тогда дѣтей у нихъ не было, послѣ былъ одинъ сынъ, весьма недавно умеръ. Самъ Бѣлаго, должно быть, былъ образованный, а можетъ и ученый человѣкъ; я заключаю изъ того, что у него часто собирались и гостили мартинисты; помню Осипа Алексѣевича Поздѣева, это отецъ знаменитаго въ Москвѣ Алексѣя Осиповича; Гамалея, еще человѣка три, которыхъ забылъ. Отецъ зналъ, что они масоны; воображаю, какой товарищъ имъ былъ отецъ! Не взирая ни на что, они были очень ласковы къ отцу и разговоръ былъ у нихъ отцу по плечу. Помню одинъ случай. Почему-то отцу вздумалось доказать мое повиновеніе и терпѣніе: приказавъ мнѣ молчать, взялъ за мизинецъ лѣвой руки, сжалъ около ногтя такъ, что у меня изъ-за ногтя пошла кровь; я молчалъ и смотрѣлъ ему въ глаза; отца уговаривали, онъ не слушалъ, но вошла Татьяна Семеновна, оттолкнула отца, меня увела и перевязала палецъ. Въ Кіевѣ, но когда я разговаривалъ о нихъ съ отцомъ, онъ продолжалъ называть ихъ масонами.

— „Они, братецъ, не любили меня, я мѣшалъ сношеніямъ ихъ съ сатаною".

„Чѣмъ же, батюшка, вы мѣшали имъ?"

— „Какъ замѣчу, братецъ, что они усядутся около столика, да развернутъ свои тайныя книги и начнутъ шептаться, я про себя прочитаю молитву,—имъ и ничего не удается и разойдутся. А то, братецъ, бывали случаи, какъ замѣчу, что они точатъ ножи, не взирая на погоду, тихонько выйду, да и давай Богъ ноги домой,—опасные, братецъ, были люди!"

Воображаю, какъ забавляло этихъ умныхъ людей.

Мы жили въ Золотиловѣ, когда отецъ не служилъ и въ Можайскѣ, когда отецъ занималъ должность по выборамъ. Когда отецъ живалъ въ Золотиловѣ, часто къ нему приходили казенные крестьяне — судиться. Придутъ, кланяются, просятъ разсудить и говорятъ: какъ скажешь, такъ и будетъ. Отецъ никогда не отказывалъ, разберетъ не по законамъ, а по совѣсти, непремѣнно убѣдитъ и примиритъ.

Просители никогда не приходили съ пустыми руками—полотенце, чашку меду, большой пряникъ, простой хлѣбъ. Отецъ никогда не отказывалъ—всегда принималъ какъ должное.

— Батюшка, я помню, какъ вы судили, но зачѣмъ же вы брали подарки?

„Чтобы не оскорбить,—это древній обычай, чтобъ судью не утруждать съ пустыми руками; что въ народѣ утвердилось изъ вѣка, того нарушать не должно, вотъ если-бъ я взялъ въ уѣздномъ судѣ—это было бы грѣшно и позорно для чести“.

Когда я возвратился изъ Камчатки, у отца не было замка ни на одномъ амбарѣ,—„не воруютъ у васъ, батюшка?“

„Не случалось, братецъ, Богъ хранитъ“.

Въ народѣ говорили сосѣди: „тотъ пойдетъ воровать къ Ивану Дмитріевичу, кому жизнь наскучила“, и говорятъ, былъ случай, укравшій мѣшокъ овса не дошелъ до дома, умеръ на дорогѣ.

Я ничего не сказалъ о меньшомъ братѣ отца, дядѣ Федорѣ Дмитріевичѣ. Онъ долго былъ холостымъ, очень часто бывалъ у насъ, очень почиталъ отца и еще болѣе уважалъ и любилъ мою мать; я былъ баловнемъ его; бывало отецъ высѣчетъ, плачу, придетъ дядя, начнетъ представлять какъ пьяные мужики валяются, расхохочусь и забуду о розгахъ.

Какъ старшіе два брата были серьезны, такъ меньшой былъ веселонравенъ.

Разъ отецъ при родныхъ, обратясь къ дядѣ, сказалъ: „а помнишь, Ѳедоръ, какъ мы съ братомъ Михаиломъ отпороли тебя въ Одессѣ?“

— Еще-бы не помнить!

Всѣ три брата были офицерами; Ѳедоръ повадился играть въ карты и знаться съ худыми людьми, братья и высѣкли его; съ тѣхъ поръ дядя не бралъ картъ въ руки.

X.

Такъ время шло и дошло, что я долженъ былъ подписать просьбу объ опредѣленіи меня въ морской корпусъ; помню, я подписывалъ по карандашу, прежде учился по карандашу на простой бумагѣ, а потомъ уже на гербовой; говорили, что на всякій случай въ метрическомъ свидѣтельствѣ мнѣ убавлено два года.

На святкахъ посылали меня съ Василисой слушать подъ окнами у купца Жаркова; отецъ говорилъ сыну: „нечего медлить, послѣ праздника отправляйся въ дорогу".

Пришли—и какъ сказали матушкѣ, она цѣловала меня и очень плакала, это значило, что я поѣду. Въ Праслово пріѣхала Анна Петровна Бунина и обѣщала отвезти меня въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы отецъ привезъ меня въ Москву къ назначенному числу.

Сборы были долги, одѣли меня въ сѣренькій полусюртучекъ, заячью шубу, теплые сапоги. Пока собирали, мать не осушала глазъ; послѣ напутственнаго молебна мать обняла меня, да такъ и замерла,—все твердила, что она больше не увидитъ меня; предчувствіе не обмануло мать: я больше не видалъ ея. Я хорошо помню, что я не плакалъ, думаю потому, что уѣзжалъ отъ розогъ. Сдѣлаю послѣднее замѣчаніе о жизни въ домѣ родителей: пока я былъ дома, много родилось дѣтей и всѣ умирали, а какъ уѣхалъ всѣ стали жить; мать въ беременности ушиблась, родила и умерла семнадцатымъ ребенкомъ.

Отецъ самъ повезъ меня въ Москву; остановились у родныхъ, были у Осипа Алексѣевича Поздѣева; онъ, узнавъ, что я поступаю въ морской корпусъ, обѣщалъ написать къ сыну Алексѣю Осиповичу, который былъ лейтенантомъ и корпуснымъ офицеромъ. Отецъ мой низко кланялся и просилъ, чтобы меня строго наказывали. Не помню я, по какому случаю отецъ водилъ меня на колокольню Ивана Великаго; послѣ отецъ разсказывалъ, что я лѣзъ за перилы и хотѣлъ спрыгнуть, отецъ едва успѣлъ схватить меня за брюки,—вѣроятно закружилась моя голова на такой высотѣ. Видѣлъ колоколъ, пушку. Ходили по церквамъ. Пришло время отправляться.

Въ рогожную повозку уложили меня съ теткой Анной Петровной Буниной; отецъ сѣлъ съ ямщикомъ; по выѣздѣ за заставу остановились, отецъ благословилъ меня, но я помню болѣе всего его длинный палецъ (такъ мнѣ казалось), которымъ онъ грозилъ мнѣ и приказывалъ: „прилежно учиться, а не то онъ самъ пріѣдетъ, чтобы я это помнилъ!“

Грозный палецъ и обѣщаніе пріѣхать были послѣднія слова отца ко мнѣ и надолго. Мы поѣхали.

Анна Петровна Бунина была дѣвица и хорошенькая; она называлась десятая муза, едва ли не первая дѣвица-поэтъ. Въ высшемъ кругу Питера была какъ своя, часто являлась ко двору; я это говорю къ тому, что такая особа ѣздила тысячи верстъ безъ дѣвушки, безъ лакея.

Въ Твери мы остановились; тетка одѣлась нарядно и поѣхала во дворецъ къ великой княгинѣ; долго тамъ была, а на другой день мы поѣхали. Великая княгиня ожидала герцога Георга изъ Новгорода и поручила теткѣ при встрѣчѣ отдать большой конвертъ. Мы встрѣтили герцога на дорогѣ, замахали, закричали; повозка герцога остановилась, тетка приказала мнѣ отнести пакетъ. Подалъ я конвертъ герцогу, онъ сдѣлалъ мнѣ привѣтъ рукою, улыбнулся и приказалъ много благодарить. Все сошло благополучно, герцогъ уѣхалъ, а я, должно быть, завязъ въ снѣгу, запутался въ шубѣ и растянулся; насилу я выбрался на дорогу. Герцогъ показался мнѣ высокимъ брюнетомъ съ большимъ носомъ. Повозка зеленая съ кожанымъ верхомъ, на тройкѣ лошадей; съ нимъ сидѣлъ молодой и на козлахъ человѣкъ.

Не доѣзжая Петербурга, не знаю, гдѣ остановились; тетка опять наряжалась и уѣхала.

Приходилъ кто-то престранно наряженный, и меня съ повозкой отвезли во дворецъ. Въ нижнемъ этажѣ огромныя и превысокія двѣ комнаты, какихъ я не видывалъ; окна чуть не до пола; хотя день былъ весенній, солнечный, но еще хорошая зимняя дорога, а два окна были отворены; окна были въ садъ, я влѣзъ на подоконникъ, гдѣ я свободно могъ спать, свѣсилъ ноги за окно и болталъ ногами, какъ всѣ деревенскіе мальчишки; смотрю, по чисто песчаной дорожкѣ идутъ двѣ женщины, одна толстая, а другая маленькая худенькая, послѣдняя была моя

тетка, а съ нею шла вдовствующая императрица. Подойдя, остановились и что-то говорили.

Государыня достала конфектъ изъ рядикюля и подала теткѣ; эти конфекты были пожалованы мнѣ; меня накормили какіе-то господа; помню, я очень присмирѣлъ; тетку я увидѣлъ вечеромъ; ночью мы уѣхали. Только дорогой тетка сказала, что гуляла съ ней императрица и дала мнѣ конфектъ.

Въ Петербургъ мы пріѣхали въ квартиру тетки; на третій день пріѣхалъ Иванъ Петровичъ Бунинъ и увезъ меня къ себѣ. Онъ былъ адъютантомъ адмирала Петра Ивановича Ханыкова.

Адмиралъ съ семействомъ жилъ въ нижнемъ этажѣ у Аларчина моста, а дядя жилъ во дворѣ въ верхнемъ этажѣ. Я цѣлые дни проводилъ въ семействѣ адмирала, которое состояло изъ супруги, Екатерины Петровны, и дочери, уже взрослой, Анны Петровны, и двухъ сыновей пажей, Пьера и Жана. Самъ адмиралъ былъ въ параличѣ и лечился электрической машиной. Адмиралъ былъ очень ласковъ ко мнѣ. Электрическая машина очень памятна мнѣ: шалуны Пьеръ и Жанъ дали мнѣ въ ротъ серебряную ложку, а какъ я получилъ въ зубы электрическій ударъ, я такъ испугался, что какъ дикій волченокъ закусилъ ложечку и бросился бѣжать по всѣмъ комнатамъ; въ дверяхъ встрѣтилась мнѣ дочь адмирала; я головой такъ ударилъ ее въ животъ, что она упала; я перескочилъ черезъ нее и не помню, какъ меня поймали и успокоили.

Анна Петровна Ханыкова послѣ была графиня Мелина мы, какъ старые знакомые, въ 1840-хъ годахъ, въ Кіевѣ много вспоминали старины и этотъ случай много доставилъ намъ смѣха.

Хотя не касается собственно до меня, но мнѣ очень хочется припомнить и разсказать, что я слышалъ объ адмиралѣ Ханыковѣ.

Петръ Ивановичъ Ханыковъ долго былъ главнымъ командиромъ Кронштадта. Анекдотовъ пропасть о немъ, но какъ о добрѣйшемъ человѣкѣ, да, впрочемъ, въ старомъ флотѣ и не было недобрыхъ адмираловъ,—весь флотъ одной семьи изъ корпуса. Ханыковъ ежедневно вставалъ очень рано, обходилъ рынокъ, осматривалъ продающуюся провизію, повѣрялъ цѣны, покупалъ связку кренделей и у повивальной бабушки пилъ кофе; дома дожидалась его на завтракъ яичница.

Разъ приходитъ мичманъ съ рапортомъ; долго ждалъ, соблазнился яичницей, съѣлъ и ушелъ. Ханыковъ, не найдя яичницы и узнавъ, что съѣлъ мичманъ, не сказалъ ни слова, но приказалъ звать мичмана къ главному командиру кушать яичницу каждое утро; мичманъ приходилъ, ѣлъ и уходилъ. Такъ продолжалось полтора мѣсяца. Наступили холода, дожди; на призывъ мичманъ отвѣчалъ, что сегодня не пойдетъ; являются ружейные и подъ карауломъ привели мичмана къ главному командиру. Ханыковъ имѣлъ привычку щелкать пальцемъ правой руки промежду сложенныхъ пальцевъ, въ кулакъ лѣвой руки, и при этомъ относился ко всѣмъ: душенька. И въ этомъ случаѣ Ханыковъ сказалъ мичману:

— „Душенька, душенька, какъ же ты смѣлъ ослушаться, вѣдь тебя звали къ главному командиру“, посадилъ его подъ арестъ въ Кронштотъ и настолько дней, сколько онъ съѣлъ яичницъ.

Къ Ханыкову часто пріѣзжалъ государь Александръ Павловичъ и обѣдалъ.

Тогда очень строго былъ запрещенъ привозъ спиртныхъ напитковъ и портера. Говорятъ, государь очень любилъ портеръ. За обѣдомъ Ханыковъ подзываетъ камердинера и говоритъ: „какъ мы были послѣдній разъ въ Англіи, то должно быть осталась одна бутылка, тамъ въ углу съ лѣвой стороны, поищи и принеси“. Одно и то-же приказаніе повторялось во всякій пріѣздъ государя.

Однажды государь за столомъ подозвалъ камердинера и слово въ слово скопировалъ Ханыкова, бутылка явилась, (какъ будто главному командиру можетъ быть запретъ). Государь съ удовольствіемъ пилъ и спрашивалъ: „это послѣдняя бутылка“?

Ханыковъ заботливо отвѣчалъ—„надобно поискать“.

Ханыковъ былъ флагманомъ во время сраженія съ англичанами; за потерю корабля „Всеволодъ“ онъ былъ преданъ суду. Флотъ оправдывалъ Ханыкова; онъ приказалъ кораблю, бывшему на вѣтрѣ, подать помощь „Всеволоду“, но капитанъ струсилъ и не пошелъ; у Ханыкова были враги (и у такого добряка были враги); судъ приговорилъ Ханыкова разжаловать въ матросы. Государь приказалъ разжаловать Ханыкова на 12 часовъ, но приказа не объявлять ему.

Ханыковъ велъ очень правильную жизнь, онъ въ извѣстный часъ утра и извѣстное время прогуливался по бульвару. Ханыковъ, выходя изъ дому, былъ встрѣченъ врагомъ своимъ, который спросилъ Ханыкова, почему онъ не въ матроскомъ платьѣ, и показалъ ему приказъ. Ханыковъ вернулся домой, приказалъ обрѣзать полы сюртука и въ курткѣ все-таки сдѣлалъ свою обычную прогулку, но, возвратясь домой, получилъ ударъ паралича.

Бунинъ послѣ разсказывалъ мнѣ, что Ханыковъ вѣрилъ въ черные или несчастные дни.

Однажды государь вспомнилъ, что Ханыковъ давно не получалъ награды; случился тутъ Нарышкинъ и сказалъ: „кстати, государь, сегодня у Ханыкова черный день, хорошо разувѣрить его красной лентой".

Ханыковъ сидѣлъ за обѣдомъ, какъ фельдъегерь поднесъ ему конвертъ. Ханыковъ распечаталъ, выпала на тарелку красная лента; старикъ горько заплакалъ и сказалъ: „за многимъ ты пришла ко мнѣ, за многимъ!" и со слезами вышелъ изъ за стола. Какъ не сказать: по вѣрѣ вашей и дается вамъ.

XI.

Бунинъ утромъ привезъ меня въ корпусъ къ Алексѣю Осиповичу Поздѣеву; онъ приказалъ отвести меня во вторую роту, въ первую камору; этой каморой завѣдывалъ Поздѣевъ. Кадеты всѣ были въ классахъ. Помню окно около печки, у котораго я стоялъ; вдругъ шумъ, крикъ по галлереѣ, вбѣгаютъ разнаго возраста дѣти; кто прыгаетъ на одной ножкѣ, всѣ говорятъ и, пробѣгая болѣе ста человѣкъ мимо меня, всякій назвалъ—новичекъ. У меня зарябило въ глазахъ. Окружили меня, всякій хотѣлъ знать мою фамилію; привели кадета подъ ростъ мнѣ, который дразнилъ и толкалъ меня; мнѣ совѣтывали не спускать; я оттолкнулъ его; тогда заговорили, что мы должны подраться; для этого отвели насъ въ умывалку, составили около насъ кругъ фамилія кадета была Слизовъ. Онъ первый ударилъ меня, насъ, то его, то меня подзадаривали; я ловко схватилъ его и, недолго боровшись, повалилъ Слизова, нѣсколько разъ ударилъ и хотѣлъ

встать, какъ всѣ заговорили, чтобы я билъ до тѣхъ поръ, пока не скажетъ покоренъ. Я еще нѣсколько разъ ударилъ. Слизовъ молчитъ, мнѣ кричатъ, бей! Наконецъ, Слизовъ сказалъ—покоренъ. Если-бы послѣ слова покоренъ я ударилъ бы Слизова, то это было бы безчестно для меня,—таковы законы кадетъ. Я вышелъ побѣдителемъ: эту драку можно назвать крещеніемъ для новичка.

Не помню, вспоминалъ ли я тогда, но теперь увѣренъ, что ловкости въ дракѣ я много былъ обязанъ мальчишкамъ въ монастырской слободѣ и дракамъ въ можайской школѣ.

На другой день одѣли меня во все казенное, дали росписаніе классовъ на недѣлю.

Въ корпусѣ вставали въ 6 часовъ, становились во фронтъ по каморамъ, дежурный офицеръ осматривалъ каждаго, для этого мы показывали руки и ладони: не чисты руки, длинны ногти, нѣтъ пуговицы на мундирѣ — оставляли безъ булки; наказаніе было жестоко,—булки горячія, пшеничныя, вѣроятно на полный фунтъ, булки такъ были вкусны, что теперь нѣтъ уже ничего такого вкуснаго. Послѣ осмотра офицера во фронтѣ раздавалъ булки дежурный по ротѣ гардемаринъ.

Въ 8 часовъ въ классы; каждый классъ продолжался два часа и мы переходили въ другой классъ. Въ 12 часовъ—шабашъ, въ каморы. Съ минуты вставанія, всѣ наши передвиженія были подчинены колоколу. Въ половинѣ перваго во фронтъ и такъ шли въ залъ. Весь корпусъ помѣщался въ залѣ; залъ такъ былъ великъ, что еще столько же кадетъ помѣстилось бы; говорили, что такой длины и ширины, безъ свода и колоннъ, другаго такого зала въ Петербургѣ тогда не было. Я еще учился архитектурѣ у старенькаго маленькаго старичка въ парикѣ—Суркова, строителя этого дивнаго зала; оно было въ два этажа, очень свѣтлое, съ арматурами по стѣнамъ; съ потолка висѣли, въ родѣ колоколовъ въ ростъ человѣка, гладкаго бѣлаго хрусталя (люстры) съ подсвѣчниками внутри, помнится по четыре подсвѣчника въ каждомъ, а у задней стѣны, по длинѣ, стоялъ трехъ-мачтовый корабль подъ парусами, мачты почти до потолка. Залъ этотъ былъ гордость морскаго корпуса. Столы накрывались на 20 человѣкъ, на каждый десятокъ — старшій гардемаринъ раздавалъ кушанье; кормили насъ превосходно: хлѣбъ великолѣпный, пор-

ціи большія и можно было попросить; щи или капица съ кускомъ говядины, жаркое—говядина и гречневая каша съ масломъ, въ праздники и пирожное, аладьи съ медомъ и проч., квасъ отличный, какого послѣ не случалось пить; для кваса массивныя серебряныя вызолоченныя внутри большія стопы; отъ обѣда выходили фронтомъ.

Въ два часа въ классы, опять по два часа въ классѣ, слѣдовательно, сидѣли въ классахъ 8 часовъ въ день, кромѣ субботы; послѣ обѣда—танцъ-классъ.

Выходили изъ классовъ въ 6 часовъ; въ половинѣ 8-го ужинъ—два блюда, супъ или щи съ говядиной и гречневая каша съ масломъ; послѣ, по выходѣ изъ класса, вечеромъ, давали по такой же булкѣ, какъ утромъ.

Бѣлье перемѣняли по два раза въ недѣлю; кровати были желѣзныя, два тюфяка, внизу соломенный, а сверху волосяной, и двѣ подушки; одѣяла сначала были толстыя бумажныя, а потомъ шерстяныя фланелевыя, съ верхней простыней.

Въ моей каморѣ былъ старшимъ гардемариномъ Бартеневъ. Былъ обычай, что каждый втораго или третьяго года гардемаринъ (гардемарины до выпуска учились три года), изъ числа маленькихъ кадетъ, имѣлъ въ родѣ чиновника или адъютанта; меня взялъ Бартеневъ; я исполнялъ всѣ его приказанія, сходить за книгой, позвать кого, за то Бартеневъ не давалъ меня въ обиду сильнѣйшимъ кадетамъ. Этотъ обычай былъ общій, каждый кадетъ въ свою очередь былъ въ должности ординарца и послѣ, сдѣлавшись гардемариномъ—имѣлъ ординарцевъ.

Этотъ обычай теперь покажется унизительнымъ и я даже читалъ въ одной статьѣ, гдѣ говорится объ этомъ обычаѣ съ презрѣніемъ, но я думаю—это близоруко; въ томъ нѣтъ униженія, что принято всѣмъ обществомъ; этотъ обычай, напротивъ, новичка пріучалъ къ повиновенію; это чувство послушанія съ мягкихъ ногтей сроднялось съ ребенкомъ, и я увѣренъ, та удивительная дисциплина стараго флота, если шла легко, если повиновеніе старшему и исполненіе долга было какъ бы врожденно офицеру флота, то это природнялось отъ помянутаго мною обычая въ корпусѣ.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ вспоминаю о благодѣтельномъ учрежденіи морскаго корпуса. Не знаю современныхъ учрежде-

ній, но, какъ всѣ старики, думаю, теперь ничего нѣтъ подобнаго. Обращаясь къ своей юности, воображаю себя въ настоящее время. Сынъ старой дворянской фамиліи, служилаго рода, но сынъ хотя честнѣйшаго, но бѣднаго отца, не имѣющаго средствъ удѣлить десяти рублей на науку для сына,—что бы со мной было въ настоящее время? Тогда бѣднаго дворянина не отличали отъ дворянина богатаго и сынъ бѣднаго дворянина заботами правительства дѣлался полезнымъ слугою отечеству и государю; теперь, гдѣ живу, я знаю много лакеевъ, кучеровъ, имѣющихъ право на родовое дворянство, и это даже не странно. Вотъ если-бъ теперь увидать не въ почетѣ дѣтей Горвица, Варшавскаго — это было бы очень странно! Другое время, другія мысли.

Меня приняли въ морской корпусъ безъ экзамена, я умѣлъ только кое-какъ читать; въ шесть лѣтъ меня выучили, сдѣлали офицеромъ и я совершенно честно прослужилъ, сколько умѣлъ усердно, почти 40 лѣтъ, и тѣмъ, по силамъ моимъ, заплатилъ правительству за 6 лѣтъ хлопотъ обо мнѣ. Теперь внуки мои, чтобы кончить науки въ среднемъ учебномъ заведеніи, каждый стоитъ родителямъ до 6 тысячъ рублей, да если два года не перешелъ по экзамену въ высшій классъ, то отпускаютъ на подножный кормъ, вотъ вамъ и готовый комунистъ! Прекрасная вещь теперь „аттестатъ зрѣлости“; меня радуетъ этотъ современный прогрессъ, хотя немного и оскорбляетъ мысль, что въ нашъ вѣкъ не было зрѣлыхъ. Ну, да мы старики привыкли къ оскорбленіямъ, вонъ (журналъ)—„Яхта“ называетъ старый морской корпусъ—„Карцовщина“, сдѣлалъ адмирала Петра Кондратьевича Карцова нарицательнымъ позорнымъ именемъ! Я изъ послѣднихъ кадетъ директора корпуса Карцова; я не знаю, долго ли Карцовъ былъ директоромъ, но большая часть стараго флота офицеровъ—воспитанники Карцова. Я бы спросилъ оскорбителя корпуса унизительнымъ названіемъ „Карцовщины“—какіе флотскіе офицеры заслужили уваженіе и довѣріе флотскому мундиру за границею и въ Россіи? Все Карцовщина! Я не отвергаю, современные носящіе морской мундиръ достойно поддержали общее мнѣніе о честномъ мундирѣ флота, но создала Карцовщина! Не отвергаю и того, что современные офицеры флота—ученѣе Карцовщины, но, господа, не гордитесь, не вы ученѣе, ученѣе

современная наука! Какъ вы теперь знаете науку, такъ и мы знали науку своего времени. Ваши наслѣдники будущихъ поколѣній будутъ ученѣе васъ, прогрессъ науки идетъ неустанно впередъ. Если вы, господинъ, охуждающій старый флотъ, морякъ, то да будетъ вамъ стыдно!

Я, остатокъ стараго флота, слѣжу за реформами во флотѣ, вижу кой-что не нравящееся мнѣ, но не позволю себѣ выразиться необдуманно и дерзко, какъ вы, востро—Карцовщина!

Съ уничтоженіемъ стараго морскаго корпуса, я видѣлъ будущій недостатокъ офицеровъ во флотѣ, что и оправдалось; необходимость заставила приблизиться къ старому порядку. Полезныя реформы дѣлать не такъ легко, какъ кажется реформистамъ, которые считаютъ важнымъ, перемѣнивъ названіе вещи, что создали новую вещь; напримѣръ, вся Россія привыкла посылать по почтѣ „страховыя письма“ и это названіе „страховое“ было усвоено и понятно всему народу, но вдругъ произошла глубокая реформа — приказано называть „заказное письмо“. Въ строгомъ смыслѣ русскаго понятія, это новое слово не выражаетъ полнаго своего значенія, русскій человѣкъ привыкъ заказывать мастеровому карету, сапоги и проч. Заказывать письмо почтѣ не выражаетъ понятія о себѣ. Почта не сочиняетъ писемъ, хотя ей и заказываютъ. Но есть такіе умы, которые считаютъ славнымъ и новымъ изобрѣтеніемъ, перемѣняя имя вещи, хотя вещь остается та-же; но стоитъ ли охуждать подобныя реформы! надписывая на конвертѣ „заказное“, дозволяется улыбнуться.

Начиная съ Петра Кондратьевича Карцова, я могу назвать всѣхъ корпусныхъ офицеровъ и имена ихъ вспоминаю съ благоговѣніемъ, эти люди занимали должности по призванію. Видалъ я виды въ долгой своей жизни, но не могу безъ полнаго удивленія и благоговѣнія вспомнить объ этихъ безукоризненныхъ труженикахъ, обрекшихъ себя на неустанное воспитаніе ввѣренныхъ имъ дѣтей.

Начальникъ роты былъ штабъ-офицеръ; онъ былъ попечитель всего хозяйства въ ротѣ; въ каждой ротѣ было четыре, пять оберъ-офицеровъ—лейтенанты, это были блюстители нравственнаго порядка; они дежурили по ротно, у каждаго въ завѣ-

дываніи была камора, отъ 20 до 30 человѣкъ; дежурные наблюдали за порядкомъ въ классахъ, въ залѣ.

Учебная часть вполнѣ зависѣла отъ инспектора и учителей.

Директора Петра Кондратьевича Карцова мы рѣдко видѣли: онъ былъ раненъ въ обѣ ноги, ходилъ не безъ труда.

У меня былъ честный офицеръ Алексѣй Осиповичъ Поздѣевъ; учился я прилежно, помнилъ грозный палецъ отца и обѣщаніе его пріѣхать, если буду лѣниться.

Внѣ классовъ и въ праздники дозволялось намъ играть во всѣ возможныя игры безъ помѣхи, даже поощряли насъ къ физическому движенію, напримѣръ, зимой, намъ дѣлали ледяные катки для катанья на конькахъ, лѣтомъ мы не сходили со двора, разнообразныя игры въ мячъ, въ разбойники, всѣ игры по преданію. Парадный дворъ принадлежалъ второй и пятой ротамъ; бывало кадеты двухъ ротъ на дворѣ, кто во что горазд, шумъ, крикъ, бѣготня; случалось, что Петръ Кондратьевичъ, выѣзжая куда нибудь, бывало явится подъ воротами, любуется на шалости кадетъ и громкимъ басомъ крикнетъ: „о-го-го! громовы дѣтки! хорошо, хорошо!“

Мы не боялись нашего директора, не переставали играть; сколько помню, любили его, что выражалось тѣмъ, что моя память не сохранила ему никакого прозвища и почти не упоминалось его имя, тогда какъ всѣмъ безъ исключенія спуску не было: каждый имѣлъ прозвище, характеризующее его. Кадетъ морскаго корпуса отличался отъ кадетъ другихъ корпусовъ видомъ полнаго здоровья и большимъ животомъ: насъ не стягивали, мы еще тогда ружья не знали, а кормили превосходно.

Учебный курсъ раздѣлялся на кадетскій и гардемаринскій. Кадетскій курсъ въ математикѣ оканчивался сферической тригонометріей, частію алгебры; науки: географія, исторія всеобщая и русская сокращенно; иностранный языкъ, одинъ изъ новѣйшихъ, только читать; русскій языкъ — правильно писать по диктовкѣ, но не строго. Инспекторомъ былъ Маркъ Филипповичъ Горковенко; на кадетскіе классы онъ рѣдко обращалъ вниманіе, онъ весь отдавался гардемаринскому курсу, и какъ доставало его неусыпнаго, изумительно ретиваго усердія! Не понятливый кадетъ, лѣнивый могъ оставаться кадетомъ лѣтъ шесть, но все таки дѣлался гардемариномъ.

Я кадетскій курсъ кончилъ въ три года; не помню, по какому случаю, передъ экзаменомъ, былъ инспекторомъ, вмѣсто Горковенко, Крузенштернъ; весь корпусъ возненавидѣлъ его, ему было прозвище—слѣпой колбасникъ, трюмная крыса и проч., ему показывали фиги, строили гримасы. Крузенштернъ тогда былъ на верху своей славы, какъ кругосвѣтный плаватель, но видно въ массѣ кадетъ было больше инстинкта, чѣмъ поклоненія славѣ. Если не забуду, то въ своемъ мѣстѣ разскажу съ осязательными доказательствами, что Крузенштернъ былъ безхарактернѣйшій, это былъ нѣмецъ, умѣющій ловко написать проэктъ, но не исполнить. Горько бы кончилось его кругосвѣтное плаваніе, еслибъ не распоряжался всѣмъ Макаръ Ратмановъ, но объ этомъ послѣ.

Математическій кадетскій курсъ я кончилъ въ классѣ Лоскутова; со мною въ классѣ былъ однокамерникъ Дешаплетъ; онъ былъ очень способный, но лѣниво учился; мы были очень дружны. Андрюша Дешаплетъ, боясь не выдержать экзаменъ, упросилъ меня не экзаменоваться; я хотя былъ изъ первыхъ по классу, но для друга согласился; сѣли мы на отдѣльный столъ и объявили, что экзаменоваться не хотимъ. Крузенштернъ, обходя классы и увидавъ насъ отдѣльно сидѣвшихъ, на вопросъ, Лоскутовъ доложилъ, что мы отказываемся отъ экзамена; Крузенштернъ, узнавъ, что мы по знанію можемъ экзаменоваться, подошелъ къ намъ и долго уговаривалъ, чтобы мы экзаменовались; мы, отказываясь, отвѣчали даже грубо, особенно Дешаплетъ. Слѣпой колбасникъ ушелъ отъ насъ ни съ чѣмъ.

Дежурнымъ былъ Поздѣевъ; проходя по классамъ, увидавъ насъ отдѣльно, узнавъ отъ Лоскутова, подошелъ къ намъ; помню гнѣвное лицо его, помню задрожавшія его губы, онъ тихо сказалъ: „придите въ дежурную!“

Въ дежурной насъ отлично высѣкъ Алексѣй Осиповичъ, дурь наша улетучилась, мы экзаменовались и оба попали въ гардемарины.

Экзаменовали въ гардемарины учителя гардемаринскихъ классовъ весьма подробно, потомъ офицеры,—кадетъ по пяти—только изъ математики. Какъ я говорилъ, кадетомъ можно было пробыть неопредѣленное число годовъ, а попавши въ гардемарины, курсъ наукъ разсчитанъ былъ на три года; попавши въ гардемарины отъ каждаго изъ насъ зависѣло быть адмираломъ.

XII.

Я, торжествующій гардемаринъ, написалъ къ родителямъ о моемъ высокомъ званіи. Въ Петербургъ ѣхалъ дядя Павелъ Саватьичъ Шахматовъ. Отцу не вѣрилось, чтобы я такъ скоро получилъ чинъ; ему казалось, что я солгалъ; онъ упросилъ Шахматова узнать въ корпусѣ и если я солгалъ, то отпорроть! а если правда, то посылаетъ мнѣ рубль. Получилъ я рубль, а о замѣчательномъ дядѣ разскажу на досугѣ.

Меня брали „за корпусъ“ то дядя, то тетка — Бунины. У Буниныхъ были родные племянники: Петръ, Николай, Михаилъ, Александръ и Василій Николаевичи Семеновы.

Петръ служилъ послѣ въ Варшавѣ; онъ пописывалъ стихи, и была извѣстна въ свое время и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ особенно любима комедія „Жидовская корчма“, въ которой очень эффектно и забавно пѣлъ жидокъ „спію пану писню, спію и станцую — Ладзарду, шинцоркраверъ мицерби, шине мине канцеръ ми“ и проч. Не понимаю, какъ это припомнилось!

Николай, Михаилъ Семеновы—офицерами въ Измайловскомъ полку.

Александръ Семеновъ нарисовалъ самъ свой портретъ, прислалъ, и былъ убитъ подъ Бородинымъ. Василій былъ мнѣ ровесникъ, воспитывался въ лицеѣ и куда былъ умнѣе и развитѣе меня. Тогда появилась новая метода, отвѣчать на вопросъ не по книгѣ, какъ мы заучивали, а своими словами. Въ лицеѣ была уже принята эта система. Я полюбопытствовалъ и просилъ Васю объяснить мнѣ; онъ взялъ книгу, далъ мнѣ прочитать страницу и потребовалъ разсказать своими словами; помню, я и начать не могъ, онъ разсказалъ. Три урока—и я попалъ на ладъ.

Памятный мнѣ классъ у Гребенщикова. Маркъ Филипповичъ Горковенко спрашиваетъ изъ навигаціи и требуетъ отвѣчать своими словами, а не по книгѣ; никто не отвѣчалъ; я успѣлъ прочитать и бойко отвѣчалъ своими словами; Горковенко, этотъ святой труженикъ, въ восторгѣ,—я первый угодилъ ему.

Этотъ случай высоко поставилъ меня въ классѣ. Помню, Подушкинъ совсѣмъ не зналъ урока, и теперь удивляюсь, какъ могло такъ сильно огорчать благороднаго Горковенко: онъ искренно былъ огорченъ незнаніемъ Подушкина; помню даже слова Горковенко:

— „Ужъ ты, болванъ Подушкинъ, негодяй, подь, подь, посмотри на лѣстницу къ директору, тамъ увидишь ямки на каменныхъ ступенькахъ, эти ямки сдѣлалъ твой отецъ головою, кланяясь, чтобы тебя приняли въ корпусъ, а ты уже, скотина, не учишься!“ и проч., а ко мнѣ ласково: „ужъ батюшка Эразмъ [1]), спасибо, иди на свое мѣсто“.

Досталась брань всѣмъ лучше меня учившимся.

Въ классѣ я сидѣлъ на дальнемъ концѣ стола отъ классной доски, по правую сторону меня сидѣлъ Савинъ, по лѣвую Лутковскій, а противъ меня Кумбакинъ и Сновидовъ. Эти четверо были не изъ бойкихъ, были поручены мнѣ, говоря по нынѣшнему — какъ репетитору. Я въ одномъ изъ моихъ воспоминаній сказалъ, что хожу точно по кладбищу, и точно, о комъ не вспомню — покойникъ. На сей разъ радостно вспоминаю о моемъ бывшемъ ученикѣ и миломъ товарищѣ Петрѣ Степановичѣ Лутковскомъ; только одного и знаю живымъ; онъ вице-адмиралъ, съ честью состоитъ (1879 г.) въ совѣтѣ адмиралтейства. Припомните, ваше пр—во, гардемаринскій классъ Гребенщикова, котораго почему-то мы звали Федріо-Санго; припомнивъ, вы не можете забыть Эразма Стогова; есть и еще случай, почему я вамъ памятенъ, но поскромничаю,—промолчу.

Память у меня была хорошая; бывало, учитель покажетъ на классной доскѣ формулу, я тутъ же показываю четыремъ моимъ товарищамъ. Петръ Степановичъ имѣлъ способности, но полѣнивался, а трое очень трудно понимали, приходилось не по одному разу толковать имъ; это сдѣлало то, что я не имѣлъ нужды учить, твердо заучивалъ, показывая и толкуя нѣсколько разъ.

Забылъ важный эпизодъ корпуса, прошу извинить, давненько было! Отъ Наполеона нашъ корпусъ посадили (въ 1812 г.) на

[1]) По особенности имени, меня всѣ звали по имени, а не по фамиліи. Э. С.

корабли и перевезли въ Свеаборгъ. Боже мой, сколько было гордой радости, что мы на корабляхъ и въ морѣ.

Въ Свеаборгѣ насъ помѣстили въ такъ называемый дворецъ; вмѣсто кроватей, намъ дали офицерскія койки; въ Свеаборгѣ мы не учились. Въ комнатѣ, гдѣ я спалъ, была одна койка, на которую кто ляжетъ спать, тотъ заболѣваетъ горячкой, такъ было съ тремя кадетами; я былъ смѣлый шалунъ, самонадѣянно легъ спать въ эту койку и опомнился — въ лазаретѣ. Послѣ меня койку сожгли. Говорятъ, я дней 7 бредилъ, но вотъ странность, я и теперь подробно могу разсказать весь бредъ свой послѣдовательно.

Выписали меня къ Рождеству, насъ кормили отлично, а въ Рождество дали намъ по жареному рябчику; я должно быть былъ еще слабъ, но всегда жаденъ, какъ и теперь: я объѣлся и заболѣлъ другой горячкой, и опять помню свой бредъ.

Превосходный докторъ, нашъ общій любимецъ Василій Кириловичъ Жуковъ, въ понятіи нашемъ былъ герой. Большой черный мужчина, еще молодой, бывало фельдшера пьяницу Басарчина, съ одной оплеухи, заставитъ два раза перекувырнуться; разъ докторъ приподнялъ колоколъ, вѣроятно, пудовъ 6—7; физическая сила всѣхъ мальчишекъ приводитъ въ восторгъ. Еще чѣмъ Жуковъ покорилъ насъ. Разъ на улицѣ ночью онъ упалъ и сломалъ себѣ ногу на половинѣ ниже колѣна; ему перевязали, кость срослась, но оказался кусокъ косточки высунулся, а докторъ ходилъ въ шелковыхъ чулкахъ; это безобразіе такъ не понравилось ему, что этотъ могучій силачъ положилъ ногу между стульевъ и кулакомъ сломалъ свою ногу вновь, самъ перевязалъ и кость срослась правильно. Чтобы не забыть, въ 1840-хъ годахъ, въ Кіевѣ, въ канцеляріи, докладываютъ мнѣ: изъ Житомира инспекторъ врачебной управы Жуковъ,—входитъ, я встрѣчаю его.

— Здравствуйте, Василій Кириловичъ!

Старикъ деньми ветхій, но еще видѣнъ остатокъ мощнаго человѣка, сильно былъ изумленъ, какъ я его знаю, и еще болѣе изумился, когда я благодарилъ его за избавленіе меня отъ двухъ горячекъ въ Свеаборгѣ. Много мы вспоминали старины, напомнилъ я ему, какъ онъ самъ вторично сломалъ ногу, старикъ, вздохнувъ, сказалъ: „молодость—глупость!“ Старикъ пришелъ

просить помощи, запутали его въ пустомъ дѣлѣ. За двѣ горячки я распуталъ его дѣло и старикъ уѣхалъ счастливый.

Кстати, при такомъ множествѣ кадетъ-дѣтей, умершихъ въ корпусѣ при Жуковѣ не было; пріѣзжалъ въ лазаретъ раза два въ недѣлю лейбъ-медикъ докторъ Лейтонъ, какъ консультантъ, пройдетъ по лазарету и уѣдетъ. Вмѣсто любимца нашего Жукова явился докторъ—сынъ Лейтона, воспитанный въ Англіи, очень молодой, худо говоритъ по русски. Весьма скоро сынъ Лейтона двумъ горячечнымъ обрилъ головы и поставилъ на головы мушки, кадеты умерли. Говорили, что Карцовъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что въ сына Лейтона пустилъ табуретомъ и болѣе его не видали.

Изъ Свеаборга насъ перевезли берегомъ — должно быть въ мартѣ или въ концѣ февраля 1813 г.

Итакъ, я гардемаринъ 1813 года, мая 13 дня; съ этого дня считается моя служба государю и государству. Этотъ день открываетъ мнѣ дорогу въ адмиралы, какъ бывшему уважаемому мною милому товарищу однокашнику Петру Степановичу Лутковскому. Но плывя по теченію моря житейскаго, разныя струи его приносятъ къ разнымъ гаванямъ. Много насъ было полныхъ силъ и надеждъ, но гдѣ всѣ? Знаю только одного Петра Степановича, онъ моложе меня и еще несетъ паруса, дай Богъ попутнаго вѣтра и долгаго, долгаго плаванія на пользу службы государю и отечеству. Я 28 лѣтъ какъ бросилъ уже якорь, разоружилъ свой житейскій корабль, сначала принялся за плугъ, и тотъ недавно оставилъ. Въ тишинѣ, довольствѣ любуясь внуками, устроилъ свою жизнь безъ заботъ, безъ желаній и безъ надеждъ, пока донесетъ струя до послѣдней общей гавани. Оживляю въ воспоминаніяхъ за три четверти столѣтія.

Гардемаринъ дѣлаетъ три плаванія въ морѣ, исполняя обязанность матроса и по очереди офицера.

Сколько радости, гордаго довольства отъ чувства самобытности, когда я надѣлъ парусинную блузу! Какъ я старался перепачкаться смолою, вооружая фрегатъ „Милый“, который стоялъ на Невѣ у набережной корпуса; на этомъ фрегатѣ я и дѣлалъ первую морскую кампанію; исполненіе должности матроса послѣ мнѣ очень пригодилось: будучи командиромъ, я не затруднялся

научить команду до малѣйшей подробности. Я былъ назначенъ марсовымъ, безъ труда завоевалъ мѣсто на марсареи; воображаю, сколько было зависти у товарищей, когда я во время качки бѣжалъ по рею крѣпить штыкъ-болтъ. Славное было время! Кормили насъ прекрасно, довольно часто купались, на шалости офицеры смотрѣли снисходительно, дозволялось все, что развивало мускульную систему и укрѣпляло нервы—влѣзть по одному фордону, спуститься внизъ головой съ быстротою падающаго камня—все дозволялось.

Забылъ сказать историческую вещь.

Фрегатъ „Милый“ вооруженъ въ іюнѣ. Я стоялъ на вахтѣ и записалъ въ журналъ: „въ два часа пополудни, противъ теченія по Невѣ, прошелъ стимъ-ботъ (тогда не называли пароходъ) Берда, на которомъ прослѣдовала государыня императрица; экипажъ фрегата стоялъ на борту безъ шапокъ“. Помнится, это было въ 1814 году.

Пожалуй забуду, никто не знаетъ, какъ родилось и получило гражданство—слово „пароходъ“. Мнѣ разсказывалъ въ Камчаткѣ Петръ Ивановичъ Рикордъ:

— „Захожу я къ Гречу, онъ составляетъ торопливо статью для „Сѣверной Пчелы“, задумался и говоритъ съ досадою: только возьмись за перо, безъ иностранныхъ словъ не обойдешься, ну что такое для русскаго человѣка выражаетъ — Стимъ-ботъ? досадно, а пишешь! Я ходя по комнатѣ, не думавши, сказалъ: а почему бы не назвать—пароходъ? Гречъ былъ очень радъ, повторилъ нѣсколько разъ, пароходъ, пароходъ—прекрасно! и перекрестилъ тутъ же—стимъ-ботъ въ пароходъ“.

Второй походъ гардемариномъ я дѣлалъ на бригѣ „Симеонъ и Анна“. Произошла реформа; третій годъ, послѣдній моего гардемаринства, насъ размѣстили по кораблямъ крейсирующей эскадры; я попалъ на корабль „Святославъ“, капитанъ корабля Терновскій. Теорія дать намъ случай имѣть болѣе практики на военныхъ корабляхъ была хороша, но на практикѣ—не оправдалась. На корпусныхъ судахъ во весь походъ мы продолжали учиться, дѣлали счисленіе, были вахтенными лейтенантами по очереди, брали пеленги и проч. Корпусные офицеры продолжали классы на практикѣ. На корабляхъ насъ ласкали, отлично кор-

мили и никто нами не занимался; были мы росписаны по вахтамъ, но не требовалось исполненія. Можетъ быть, одинъ я воспользовался практикою. Я былъ въ вахтѣ тогда знаменитаго во флотѣ лейтенанта Александра Павловича Авинова, его звали—первый лейтенантъ. Я почтительно просилъ его научить меня управленію кораблемъ; этотъ превосходный человѣкъ ласково приказалъ мнѣ стоять около себя и, при всякомъ маневрѣ, объяснялъ моменты движенія парусовъ, скоро поручилъ мнѣ рупоръ и я командовалъ; это принесло мнѣ большую пользу въ послѣдствіи; онъ почему-то звалъ меня маіоромъ.

1879—1880 гг. Эразмъ Стоговъ.

Послѣдніе дни жизни Эразма Ивановича Стогова.

Письмо его дочери къ ред. „Русской Старины".

12 марта 1881 г. Синтовка.

«Главная черта характера моего отца была необыкновенная сила воли, твердость. Онъ 35 лѣтъ курилъ сигары, лѣтъ 10 тому назадъ нашелъ, что это ему вредно, и больше не курилъ. Всю жизнь свою онъ очень любилъ преферансъ; однажды, замѣтивъ, что партнеры играютъ съ нимъ не для собственнаго удовольствія, а изъ любезности, онъ навсегда пересталъ играть. Онъ могъ терпѣть голодъ, жажду, холодъ, для него, кажется, не существовало выраженіе «не могу».

Цѣлые дни отецъ проводилъ въ своей комнатѣ, до обѣда читалъ, а послѣ обѣда—писалъ, «чтобы не заснуть». Много счастливыхъ минутъ доставила ему «Русская Старина»; писать для нея было ему наслажденіемъ.

Вы, Мих. Ивановичъ, могли замѣтить изъ его писемъ, какъ отецъ слѣдилъ за всѣми современными вопросами и какъ живо всѣмъ интересовался, хотя и не всему сочувствовалъ. Идеаломъ всей его жизни былъ покойный Николай I-й; онъ ставилъ его на недосягаемую высоту и поклонялся ему усердно и пламенно.

Отецъ всегда былъ въ хорошемъ расположеніи духа, говорилъ, шутилъ и смѣялся очень охотно. Со всѣми посторонними, безъ различія званія, положенія и состоянія—онъ былъ всегда внимателенъ, любезенъ и привѣтливъ. Молился онъ всегда долго и усердно, но духовенства не жаловалъ.

Здоровьемъ пользовался завиднымъ: не испыталъ въ жизни своей головной боли, не горбился, не кашлялъ, какъ другіе старики, а кушалъ какъ юноша. Лицо и руки у него были бѣлыя, гладкія и безъ морщинъ, а глаза блестящіе и живые, какъ у молодаго. Никогда не пилъ ни капли вина, водки, пива, если же приходилось кушать ему вино въ пирожномъ, жаловался на непріятное ощущеніе: «въ вис-

кахъ стучитъ, лицо горитъ». Это отвращеніе отъ вина наслѣдственное, то же было у покойнаго дѣда, жившаго очень долго, то же и у моего сына и у меня.

Съ дѣтьми своими отецъ былъ всегда очень строгъ и требователенъ, но такъ любилъ насъ, что не отдалъ ни одной изъ дочерей въ институтъ, куда имѣлъ право помѣстить на казенный счетъ всѣхъ. Роскошь и развлеченіе преслѣдовалъ строго, но дѣти были всегда веселы, хотя круглый годъ носили ситцевыя платья, учились цѣлые дни и чужихъ дѣтей видѣли только во время уроковъ танцевъ. Всѣ дочери вѣрили, что онѣ бѣдны. За то, выйдя замужъ, получивъ свободу и право пользоваться удовольствіями, жизнь казалась раемъ земнымъ, вкусы же остались у всѣхъ очень умѣренные, къ роскоши не пріучились. Когда дочери выросли, онъ сдѣлался самымъ снисходительнымъ другомъ ихъ, къ внукамъ же былъ безконечно добръ и ласковъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1874 г., отецъ выдалъ замужъ послѣднюю дочь и далъ намъ дарственную на свои имѣнія (около 4,000 десятинъ) съ тѣмъ, чтобы мы (я съ мужемъ) жили съ нимъ. Такъ жили мы мирно, счастливо, до конца августа 1880-го года; отецъ былъ веселъ и здоровъ, побаливала у него лѣвая нога, но онъ не обращалъ на это вниманія.

22-го августа уѣзжалъ послѣ каникулъ мой сынъ въ Кіевъ; это былъ большой любимецъ дѣдушки, который въ немъ души не чаялъ.

Попрощавшись съ дѣдушкой, мальчикъ вышелъ отъ него весь заплаканный, растроганный: «Я никогда не думалъ, что дѣдушка такъ любитъ меня! Какъ онъ плакалъ, добрый дѣдушка!»

Послѣ отъѣзда любимаго внука, отецъ сталъ грустить, чего прежде съ нимъ никогда не было, сталъ жаловаться на недостатокъ аппетита и, наконецъ, не приказалъ себѣ вовсе подавать обѣда. Мы думали, что отецъ испортилъ себѣ желудокъ, но онъ долго не кушалъ, принималъ свои пилюли, которыми лѣчился много лѣтъ, а аппетитъ все не возвращался.

30-го августа 1880 г. онъ скушалъ кусочекъ пирога за здоровье именинника, а потомъ ужъ крошки въ ротъ не взялъ до конца, т. е. до 17-го сентября 1880 г. По утрамъ онъ пилъ свою чашку кофе и этимъ былъ сытъ на цѣлый день. Не смотря на такую діэту, отецъ чувствовалъ себя бодрымъ и продолжалъ свои занятія, по прежнему.

4-го сентября 1880 г. я подала ему его кофе и, когда спросила о здоровьи, онъ мнѣ сказалъ:

— «Знаешь ли, Юша, это вѣдь у меня не испорченность желудка,

это смерть приходитъ! Я замѣтилъ сегодня, что у меня на желудкѣ онѣмѣла кожа, вѣроятно то же произошло и внутри, а это—смерть».

Говорилъ это бѣдный отецъ съ такою ясностью, съ такимъ поразительнымъ спокойствіемъ, точно не о немъ рѣчь идетъ! Видя мои слезы: «не плачь, Юша, о чемъ плакать? Ты видишь, я говорю безъ отчаянія, безъ горечи, пожилъ долго и счастливо, благодарю Господа и безъ ропота пойду, когда Онъ призываетъ меня!»

Мнѣ больно было видѣть его спокойствіе и покорность волѣ Божіей, я знала, какъ онъ страстно любилъ жизнь!

Послѣ долгихъ утѣшеній мнѣ и безконечно ласковыхъ, нѣжныхъ словъ, отецъ всталъ со своего кресла, научилъ меня отпирать секретный замокъ своего денежнаго ящика, «а то ломать придется», другой ключъ отдалъ мнѣ, «а то забудешь отъ чего онъ, некого спросить будетъ!» Все это съ полнымъ спокойствіемъ, ни разу голосъ не дрогнулъ. О докторѣ отецъ и слышать не хотѣлъ: «Не поможетъ онъ мнѣ, отъ смерти нѣтъ лѣкарства!» Едва выпросила позволеніе пригласить врача, для моего спокойствія.

Лекарства онъ всѣ принималъ безропотно, но ни минуты не сомнѣвался въ ихъ безполезности.

11 сентября 1880 г. хотѣлъ перейти отъ кресла къ кровати и не могъ, сказалъ: «ножки отказались служить», и опять-таки со спокойной улыбкой, безъ испуга, безъ огорченія. Съ этого дня я не отходила отъ дорогаго больнаго, ночи проводила въ его креслѣ. Спалъ онъ тихо и спокойно, какъ дитя. Проснувшись, всякій разъ улыбался мнѣ самой счастливой улыбкой. На всѣ вопросы мои отвѣчалъ: «слава Богу, ничего не болитъ». И такъ ни жалобы, ни стона до конца.

Одна изъ сестеръ моихъ гостила тогда у меня, другихъ двухъ я вызвала телеграмами; онъ имъ былъ ужасно радъ, но о близкой кончинѣ своей не говорилъ имъ ни слова,—вѣрно не хотѣлъ заранѣе огорчать ихъ.

14-го сентября 1880 г. нашъ бѣдный больной сталъ забываться, спрашивалъ гдѣ мы живемъ? Не могъ вспомнить названія нашего уѣзднаго города. Но и тутъ онъ говорилъ только о своихъ дочеряхъ, молился объ ихъ счастіи. Со мной былъ все время такъ ласковъ, такъ нѣженъ, что я и теперь не могу безъ слезъ вспомнить объ этомъ!

16 сентября исповѣдался и пріобщился съ радостью и благоговѣніемъ; тутъ онъ совершенно пришелъ въ себя. Опять ласково уговаривалъ меня не плакать, не горевать о немъ, просилъ похоронить его рядомъ съ матерью (покойною давно) около церкви, просилъ поставить памятникъ и рѣшетку, такіе, какъ у матери.

Ночь послѣ этого отецъ провелъ не совсѣмъ покойно. Нѣсколько разъ просыпался, просилъ помочь ему посидѣть. Подниму моего голубчика, посидитъ, прислонившись ко мнѣ, поблагодаритъ и проситъ опять положить его. Къ утру заснулъ тихо, спокойно и крѣпко.

Всѣ въ домѣ встали, приходили на цыпочкахъ узнать о здоровьи больнаго,—онъ не просыпался.

Въ два часа пріѣхалъ докторъ изъ Кіева и сказалъ, что отецъ уже не проснется, хотя дыханіе его было ровно и спокойно, а пульсъ, по словамъ доктора, сильный, какъ у здороваго.

Докторъ предложилъ мнѣ оживить отца на нѣсколько часовъ, но я пожалѣла его, не дала мучить. Не смотря на увѣщаніе доктора, я продолжала сидѣть около отца, онъ продолжалъ также спокойно спать.

17-го сентября, около 6 часовъ вечера, сталъ дышать рѣже, тише, тише, потомъ—совсѣмъ пересталъ.

Вотъ все, что я могла разсказать вамъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, о послѣднихъ дняхъ вашего сотрудника и почитателя.

Скончался мой отецъ, Э. И. Стоговъ, на 83-мъ году своей жизни».

І. Э. Змунчилла,
рожденная Стогова.